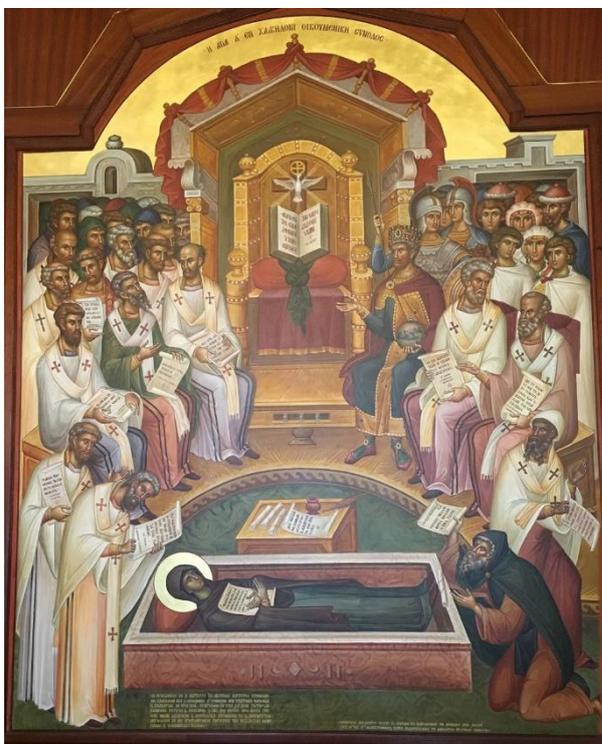

Память 24 июля (ст. стиль 11 июля)

Воспоминание о чуде святой великомученицы Евфимии Всехвальной

Святая великомученица Евфимия родилась, воспитывалась и увенчалась мученичеством в Халкидоне, Вифинском городе, который лежит при заливе Черного моря, против Царьграда, по другую сторону разделяющего их пролива Босфора фракийского: пострадала она в царствование Диоклитиана¹, шестнадцатого сентября, когда и празднуется ее память. Сегодня же вспоминается то чудо, которое было от честных ее мощей во время четвертого вселенского собора святых отцов, происшедшего в Халкидоне, и которым было явлено и утверждено православное исповедание веры; чудо и это явилось знамением для святых отцов, чтобы не приступать к общению со зловерными и произошло следующим образом.

Патриарх александрийский Диоскор и Евтихий, архимандрит цареградский, еще при жизни правоверного царя Феодосия²,

воздвигли богохульную ересь на Господа нашего Иисуса Христа, сливая два Его естества, божеское и человеческое, в одно естество³; они прельстили многих духовных и мирян своим зловерием, совратили в свою ересь многих знатных придворных и широко пользовались их вескою поддержкою.

Когда собрался поместный собор в Ефесе⁴ (через несколько лет после бывшего там же вселенского третьего⁵), или, лучше сказать, разбойническое сборище, на котором святейший Флавиан, патриарх цареградский⁶, исповедник благочестия, был убит единомышленниками Диоскора и Евтихия, – тогда еще больше укрепилась та ересь и стала приниматься за правоверие, истинная же вера православная стала отвергаться, как какое-нибудь зловерие. Нужно было собрать четвертый вселенский собор святых отцов для истребления этой ереси и для утверждения православной веры.

В это время благочестивый царь Феодосий перешел из этой жизни к Господу, а после него принял царство добродетельный и богоугодный Маркиан⁷ со святою Пульхериею. Эти ревнители правоверия и благочестия, видя, как ереси смущают Церковь, и какие царят в ней раздоры, повелели святым отцам со всей вселенной собраться в славный город Халкидон, дабы рассмотреть и обсудить здесь вопросы веры.

Собрались святые отцы, числом шестьсот тридцать⁸, в числе них святейший Анатолий, патриарх цареградский, святейший Ювеналий, патриарх иерусалимский и посланники святейшего Льва, папы римского; присутствовали и зловерные во главе с Диоскором, патриархом александрийским, Максимом – антиохийским, которому Диоскор доставил патриаршество вместо отставленного Домна, и другие согласные с ними архиереи, и Евтихий со своими единомышленниками, так что набралось множество еретиков; все вместе со святыми отцами собирались они на совещание в церковь святой великомученицы Евфимии, находившуюся в предместье города около Босфора. Это была престольная церковь Халкидонской митрополии, весьма просторная, могущая вместить в себе многое

множество народа; в ней почивали и мощи этой великомученицы, от которых творились дивные и славные чудеса; из них скажем хотя о некоторых. В день святой памяти ее, в который она пострадала за Христа, каждый год текла из честных мощей ее кровь, как будто только что вытекшая из ран; ее собирали следующим образом. Гроб был большой мраморный, покрытый мраморной доскою, а внутри его находился деревянный ковчег с мощами святой; в этом мраморном гробе, в левой стороне было небольшое отверстие, в которое проходила рука и которое закрывалось накрепко, а в нужное время открывалось; через него сам епископ по окончании всенощной, перед святой литургией черпал ту кровь посредством губки, привязанной к длинной железной рукоятке; он влагал туда сухую губку, вынимал оттуда ее полную крови и выжимал из губки кровь в особо приготовленный для этого сосуд. Народ при виде сего воссылал великую славу Богу и святой Его мученице и помазывался той кровью на благословение и исцеление своих болезней. Эта кровь была весьма благоуханная, как будто бы смешана была с драгоценным миром, но никакое миро на земле не могло сравниться с этим: эта кровь была несравненно выше всяких ароматов и исцеляла всякие болезни. И не только во время ежегодного празднования своего святая великомученица источала такую благоухающую миром и целебную кровь из честных своих мощей, но иногда и в другое время, особенно же, если святитель той церкви бывал угоден Богу своей добродетельной жизнью. бывали и многие явления; часто святая являлась молящимся ей с верою, или лежавшим в болезни, или приходившим в церковь к ее гробу, или же находившимся в различных бедах и призывавшим ее на помощь. И стекался народ с великою верою к ней на поклонение в Халкидон отовсюду, от всех городов, а в особенности, поблизости из Царьграда. Там же по повелению царскому, должен был собраться вселенский собор святых отцов.

Много было на том соборе у правоверных с еретиками рассуждений, прений и несогласий, так как зловерные никак не хотели согласиться с православным учением. Тогда святейший Анатолий, посоветовавшись с другими святыми отцами, сказал еретикам:

– Напишите на свитке исповедание вашей веры, также и мы напишем свое исповедание, и оба свитка, запечатанные, положим в гроб на честные мощи святой великомученицы Евфимии; будем поститься и соборно молиться Богу, чтобы Он чрез эту угодницу Свою открыл нам, какое исповедание правильное.

После этих слов святейшего Анатолия, все одобрили его совет, и написали два свитка: правоверные свой, а зловерные свой, запечатали своими печатями, открыли гроб святой, положили оба свитка у нее на груди, закрыли опять гроб, приложили царскую печать, приставили стражу и три дня постились и молились. С наступлением четвертого дня пришел царь и весь собор к честному гробу святой и, когда, сняв царскую печать, открыли гроб, то увидели, что свиток правоверных святая великомученица держит в правой руке, а свиток зловерных лежит у ней в ногах. Удивительнее же всего было то, что она, протянув руку как живая, подала царю и патриарху свиток с правым исповеданием. Тогда все несказанно обрадовались, прославили Бога, воспели похвальные песни с благодарением святой великомученице и поклонились с теплою любовью ее чудотворным мощам. И тотчас объявили православную веру, как утвержденную Богом и чудесно возведенную святою великомученицей, а еретическое зловерие предали проклятию. Многие из еретиков, увидев такое чудо, обратились к православию, а кто оставался непреклонным, тех лишили сана и сослали в заточение. С этого времени иконописцы начали изображать на иконах святую великомученицу Евфимию со свитком в правой руке, в незабвенную память этого славного чуда во время собора. Как тогда, так и после святая мученица не переставала творить чудеса и источать из своих честных мощей благоухающую миром кровь.

Прошло много лет; престол принял Маврикий⁹, царь благочестивый, но он, по своему маловерию, дерзнул усомниться в чудесах святой и истекающую от мощей ее кровь стал считать поддельною, а не истинною. Желая испытать и добиться истины, он сделал так. Задолго до дня годовой памяти святой великомученицы он запечатал гроб и отверстие в нем своею царскою печатью. Когда подошел день ее празднества, он сам прибыл из

Царьграда в Халкидон и, сняв печать, открыл отверстие; тотчас же распространилось прекрасное благоухание и наполнило всю церковь; крови, или, лучше сказать, мира, подобного крови, истекло из честных мощей святой больше обыкновенного; ни в один год не истекало так много, как в этом, чтобы пристыдить маловерие царя и утвердить крепко веру в силу Божию, которою может совершаться все сверхъестественное. Господь, Который в древности мог из кости животного, из ослиной челюсти, вывести для Самсона¹⁰ источник ключевой воды (Суд.15:18-19), разве не мог потом источить кровь и миро из нетленных мощей Своей угодницы? Тогда царь, поняв свое прегрешение, раскаялся и с тех пор крепко верил в святую.

Впоследствии, в царствование Ираклия¹¹, попусцием Божиим случилось нашествие персов на вифинскую страну и на окрестности Халкидона, так что всё предместье, по варварскому обычаю было опустошено. Неприятеля вошли и в церковь святой великомученицы и взяли всё, что нашли; хотели открыть гроб святой, но никак не могли этого сделать и, сколько ни трудились, ничего не добились: не только верхняя мраморная доска оставалась неподвижной, но даже и малого отверстия в гробу нельзя было сделать. Тогда персы принесли множество дров и хворосту, обложили гроб, наложили на него целую гору горючего вещества и зажгли в надежде, что мрамор от сильного жара треснет. Однако и таким образом они ничего не добились. Всё, что было наложено, сгорело дотла, а гроб святой остался нисколько не поврежденным. Такою дивною сделал Бог Свою угодницу! По уходе персов царь совещался с патриархом о мощах святой великомученицы Евфимии, и решили они перенести их из Халкидона в Царьград, боясь вторичного нашествия варваров на Халкидон. В Царьграде, близ ипподрома¹², построили церковь во имя святой, наподобие Халкидонской, большую и прекрасную, перенесли в него с почестями святые мощи с каменным гробом; при них определили быть митрополиту халкидонскому ради большей чести мощам. Гроб поставили в алтаре вместо божественного жертвенника, и совершалась на гробе бескровная жертва; внутри же находились честные мощи великомученицы; от них и в Царьграде совершались чудеса, как в Халкидоне, и кровь, благоухающая миром и целебная, источалась в обычное время.

Прошло много лет, много царей переменилось, миновали вселенские соборы святых отцов – пятый и шестой¹³, спустя еще после них долгое время воцарился и именем и нравом зверь – царь Лев Исавряннин¹⁴. Он первый начал смущать Церковь Божию иконоборческою ересью, называя святые иконы идолами и рассуждая со своими единомышленниками так:

– Вот те, о ком говорит пророк: **"Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат"** (Пс.113:13-14).

Ему противодействовал святейший патриарх Герман¹⁵; царь с бесчестием сверг его с престола, а на его место возвел еретика, своего единомышленника; таким же образом и других правоверных архиереев, противившихся его ереси, он с бесчестием отправлял в изгнание. Не только святые иконы, но и мощи святых хулил он, как пес, необузданным языком и уничижал их всячески. Видя и слыша о чудесах от честных мощей святой великомученицы Евфимии, он терзался в душе от зависти, но не осмеливался ничего дурного с ними сделать, боясь народного восстания и мятежа. Он выдумал такую коварную вещь. Он пошел ночью с своими единомышленниками тайно в церковь святой Евфимии и открыл гроб ее, которого не могли открыть персы: попустил Христос Бог рукам зловерных христиан коснуться честных мощей невесты Своей, которые сохранил неприкосновенными от неверных язычников. Персы грешили в неведении, а христиане отважились на злодеяние, зная, что делали; попустил им Бог, к большему их осуждению, совершить бесчестие святой. Злочестивый царь, открыв гроб, вынул оттуда с деревянным ковчегом чудотворные и нетленные мощи святой Евфимии, а вместо них положил какие-то гнилые, вонючие кости, которые нарочно приготовил для этого, и опять накрыв доской, ушел, унеся с собою воровским образом те честные мощи и положил их в одной из комнат царского дворца. Сестры же его и дочери тайно приходили к святым мощам, кадили благовониями, освещали свечами, почитая их и с любовью поклоняясь им. Но вскоре узнал про то злочестивый царь

и тотчас взял ковчег с мощами и ночью бросил его в море. На утро, собрав толпу зловерных, он стал смеяться в лицо над правоверным народом, глумясь и укоряя мощи святой великомученицы:

– Ступайте, глупые, посмотрите на обман, которым вас прельщают, называя нетленными и чудотворными мощи славной Евфимии, откройте гроб и посмотрите, правда ли это.

И тотчас послал своих приближенных с народом открыть гроб. Пошли, открыли и увидели все гнилые, вонючие кости. Еретикам тогда начали смеяться и глумиться над правоверными, называя их поклонниками гнилых костей; правоверные же удивлялись такой неожиданности, недоумевали, стыдились, жалели. Тогда многие подумали о всех чудесах святой, что это был обман, плевали на те гнилые кости, выбросили их вон, а также и тот мраморный гроб вытащили из церкви, и храм Божий обратили в мерзость запустения; его подвергли большому поруганию, и церковь та стала как какой-нибудь пустой вертеп, или скотское стойло, или даже хуже, потому что там было место для всякой скверности и нечистот. Потом внутри церкви кузнецы устроили кузнечные печи и стали заниматься там своим ремеслом; и где прежде слышалось пение божественных славословий, оттуда стали раздаваться звуки молотов, ударяющих по железу на наковальне, слышались нелепые голоса сквернословия и бесчинный говор людей. Эти ремесленники жили в пустой церкви с женами и детьми, а в святом алтаре, как в закрытом месте, устроили себе отхожее место; и долго терпел Бог такие дела людей, такое осквернение Его святыни, пока не погубил злых злом, воздвиг опять православие, очистил и освятил Свое место, сделав его опять селением славы Своей.

Когда честные мощи всехвальной мученицы были брошены в пучину морскую, плыл по смотрению Божию корабль из пристани, называемой Софиина; на это корабле были два хозяина, братья Сергей и Сергон. Они, увидев близ своего корабля несомый волнами ковчег, взяли его из воды на корабль, думая, что в нем какое-нибудь земное сокровище и, поставив паруса, поплыли дальше. Находясь в пристани называемой Авидова, они открыли ковчег и увидели там нетленные мощи; от них несло великое благоухание, и порадовались они этому духовному сокровищу, особенно, когда в видении узнали святость тех мощей; а именно, в наступившую ночь они увидели в видении над мощами великую славу, горящие светильники и свечи, и мужей светлых, поющих и восхваляющих Бога. Получив это видение, они стали молить Бога открыть их, какого святого эти мощи; плыли они дальше и подплыли к острову, называемому Лимнос. На это острове тоже находились чудотворные и мироточивые мощи, святой мученицы Гликерии¹⁶; проводя ночь около этого острова, они увидели в видении святую мученицу Гликерию, идущую к их кораблю, а из корабля вышедшую ей навстречу прекрасную девицу; они обе нежно обнялись. И сказала девица, пришедшая к девице, вышедшей из корабля:

– Будь здрава, мученица Христова, Евфимия всехвальная!

Та же сказала ей в ответ:

– Будь здрава, мученица Христова, Гликерия блаженная!

И, приветствовав друг друга, разошлись: святая Гликерия пошла к себе, а святая Евфимия возвратилась на корабль. Это видение одно и то же было обоим братьям; они очень обрадовались, что узнали, чьи это мощи, и в теплой молитве усердно припадали к святой великомученице Евфимии, обнимали ковчег, целовали его, проливая от радости слезы. Они хотели это бесценное сокровище везти в свое отечество, но Богу и Его святой угоднице не было это угодно. Корабельщики поставили паруса и пустились в путь в свою сторону; когда они были далеко уже от этого острова, внезапно поднялась буря и сильное волнение, и корабль прибило волнами опять к тому же острову. Опять корабельщики, как утихнет море, пускались плыть, но опять, по Божию повелению, внезапно поднимались волны и приносили корабль к острову. И это делалось не два, не три раза, но много раз; и были все на корабле в большом недоумении.

Наступила ночь, и явилась им Христова мученица и сказала:

– Зачем стараетесь вы носить меня туда и сюда? Я не уйду отсюда, не хочу идти туда, куда вы хотите меня везти.

И прибавила:

– Мало разве мне было перенесения из Халкидона в Византию (Царьград), ввержения в море, принесения сюда? Зачем вы хотите еще везти в далекие страны? Вам не по силам это, не трудитесь больше, но постройте мне маленький дом на этом острове, и я почию здесь.

С этими словами она стала невидима. Честные братья Сергей и Сергон тотчас охотно повиновались повелению святой, остались в пристани, высадились с корабля на землю, пошли и объявили епископу того острова о мощах Евфимии всехвальной и ее повелении. Епископ обрадовался этому, но велел им втайне хранить святые мощи, так как и на том острове было получено грозное повеление злочестивого царя выбрасывать и предавать огню святые иконы и честные мощи святых. Вследствие злочестивого приказа и мироточивые мощи святой мученицы Гликерии скрывали под спудом. Потом, присмотрев подходящее место, епископ благословил Сергия и Сергона на постройку маленькой церкви мученицы Христовой Евфимии, неподалеку от берега моря. Вскоре постройка была завершена, прибыл епископ, освятил церковь и положил в святом алтаре в земле, под спудом честные мощи, чтоб не узнали про них иконоборцы. После всего этого оба брата возымели благое намерение дать следующий обет святой мученице:

– Не оставим, – сказали они, – тебя, святая великомученица Евфимия всехвальная, и не отступим от твоих мощей честных, но здесь послужим тебе до конца нашей жизни.

Дав такое обещание, они продали весь товар, который везли на корабле, отреклись от мира, стали жить при той церкви в посте и молитвах и в скором времени, угодивши Богу, преставились в бессмертную жизнь по ходатайству святой прехвальной мученицы Евфимии, которой усердно послужили. Пред кончиною своей они положили на гробе святой мученицы каменную доску, чтоб не забылось вовсе место, хранящее в себе это пребогатое сокровище, и на доске написал так:

– Мы, Сергей и Сергон, родные братья, плывя по Геллеспонту (Цареградскому морю), взяли из моря носимые волнами честные мощи прехвальной святой Христовой мученицы Евфимии и, по повелению ее, положили их здесь.

Впоследствии епископ того острова построил прекрасную церковь и хотел перенести в нее мощи святой Евфимии; придя в ту маленькую церковь, которую построили братья, он совершал всенощные молитвы. Он задремал, и ему явилась святая со словами:

– Не начинай того, что задумал делать, отче преподобный! Я не послушаю тебя в этом, но иди к сестре моей, святой мученице Гликерии, помолись ей, и я стану просить; и она позволит перенести себя в твою церковь, меня же оставь почивать на этом месте, пока я не возвращусь назад к себе.

Епископ проснулся в ужасе и не осмелился приступать к выполнению своего намерения. Святую же мученицу Гликерию, сберегаемую в другом месте, перенес он в свою церковь по совершении в ней молитв, и положил ее под спудом. Так охранялись мощи святых от враждовавших против них злочестивых иконоборцев. Хотя они находились и под спудом, однако правоверные собирались к ним и с честью справляли их празднества, ибо теми угодницами Божиими подавалось исцеление всяких болезней.

Однажды, в день памяти святой великомученицы Евфимии, во время совершения празднества в ее церкви, случилось одному воеводе, стороннику и ревнителю иконоборческой ереси, плыть мимо того острова на кораблях с войском: он послан был куда-то по службе. Подъехав к пристани, он высадился на берег и увидел большое собрание людей около церкви, находившейся близ пристани. Спросив и узнав причину празднования, – а именно, что народ совершает праздник ради мощей почивающей там святой мученицы Евфимии, – он, злочестивый, вышел из себя и бросился с войском на ту церковь и разогнал народ с криком:

– Разве это позволяют цари? Идолопоклонники вы, служители мертвых костей!

С такими ругательствами над православными христианами, окаянный разорил ту церковь почти до основания; мощи же святые остались целы под спудом. И опустело это место на долгое время.

По смерти злочестивого царя Льва Исаврянина, вступил на престол сын его Константин, по прозванию Копроним¹⁷, от злого корня еще злейший отпрыск. Он не только отвергал почитание икон, но отвергал втайне и Самого Христа Бога и, окаянный, хулил даже Пречистую Деву Богородицу скверным своим языком, ругался и над святыми угодниками Божиими. С юности он привык ко всему дурному, дурной жизни, научился волшебству и чародейству и беспощадно проливал человеческую кровь. Он превосходил жестокостью своего отца, много убил невинных и праведных людей, а иноков совсем изгнал из Царьграда. Царствовал же он долго, попущением Божиим за людские грехи, и наделав бесчисленное количество зла, умер горькой смертью; после себя он оставил царство сыну Леону, который также был иконоборец, но не проявлял такой жестокости, как его отец и дед. По смерти же Леона воцарился сын его Константин с матерью Ириною¹⁸, – а это имя означает мир (с греческого), – она по истине принесла мир Церкви Христовой. В малолетство ее сына она одна управляла греческим царством, и правила хорошо и богоугодно; она исправляла всё испорченное и разоренное царями-иконоборцами и возвращала из гонения святых отцов, изгнанных за почитание честных икон. Действительно, она была благочестива и боголюбива, она созвала седьмой вселенский собор¹⁹, со святейшим патриархом царьградским Тарасием²⁰ во главе; таким образом церквам святым было возвращено благолепие – иконы, а иконоборческая ересь предана проклятию святыми отцами. Тогда и та церковь святой великомученицы Евфимии в Царьграде, близ ипподрома, о которой говорилось выше и которая была опустошена Львом Исаврянином, была восстановлена благоверною царицею Ириною; она велела очистить церковь от нечистот и исправить всё разоренное, украсила ее всячески благолепными иконами, снабдила священными одеждами и драгоценными сосудами; освящена была церковь, и стали совершаться в ней опять, как прежде, божественные службы, и митрополит Халкидонский опять стал жить при ней. Христоролюбивая царица Ирина усердно старалась разыскать мощи всехвальной мученицы Евфимии. С тех пор, как Лев Исаврянин тайно похитил святые мощи и бросил их в море, пронесся среди православных слух об этом тайном злодеянии царя, и рассказывали, что святые мощи где-то нашлись и сберегаются верующими; царица и старалась узнать, где они. Господь же, исполняющий желание боящихся Его, дал знать царице о честных мощах святой мученицы следующим образом. На том острове Лимносе, где мощи, как было сказано, хранились под спудом, жил один известный человек, по имени Анастасий, саном комит²¹; ему досталось в собственность по наследству то место, на котором два упомянутых выше брата, Сергей и Сергон, построили церковь в честь святой великомученицы Евфимии и скрыли в земле честные ее мощи, положив на гробе каменную доску с надписью. Этот Анастасий комит, видя, что церковь всехвальной мученицы на его земле совсем разорена, вновь выстроил ее на прежнем основании и украсил с подобающим благолепием. Впоследствии случилась с ним напасть по несправедливой клевете завистливых людей, и он неповинно был лишен своего сана. Тогда он отправился в Царьград, чтоб оправдаться от ложной клеветы и опять получить свой сан. Когда он искал там заступника и ходатая к царице, ему кто-то сказал, что ему может помочь халкидонский митрополит, потому что он более других имеет право заступаться за обиженных. Анастасий стал искать митрополита и нашел его во дворце; припав к нему, он рассказал цель своего прибытия и просил митрополита помочь ему и походатайствовать за него. Митрополит же отказывался, говоря:

– Не могу я этого сделать, мне не по силе это дело.

С этими словами митрополит ушел из дворца в свой дом, а Анастасий шел за ним до архиерейского дома; увидя отпертую церковь, он вошел в нее помолиться. После долгой молитвы с коленопреклонением он сел где-то: в это время не было службы. Один из церковнослужителей, очередной на той неделе, подошел к нему с вопросом, кто он и

откуда. Анастасий рассказал ему всё о себе и открыл ему свое горе, а потом спросил церковнослужителя:

– Какого это святого церковь?

Тот отвечал:

– Эта церковь святой великомученицы Евфимии всехвальной.

Как услышал это Анастасий, тотчас, прижимая руки к груди, с любовью воскликнул:

– О, моя святая Евфимия!

– Почему ты называешь ее своею? – спросил церковнослужитель.

Анастасий отвечал:

– У меня в церкви, в моем доме, ее честные мощи, поэтому-то я осмеливаюсь ее назвать своей.

Церковнослужитель сказал:

– Как это может быть? Правду ли ты говоришь? Смотри, не лги, а то плохо тебе будет; ведь царица очень старается разыскать мощи святой Евфимии и митрополиту повелела молиться Богу о том, чтоб Он открыл, где находятся честные мощи Его мученицы.

Анастасий сказал:

– Поверь мне, честный человек, у меня мощи Евфимии всехвальной, которые были в Халкидоне.

Услышав это, церковнослужитель попросил его немного подождать там, а сам радостный, поспешил объявить об этом митрополиту, преподобному Андрею. Митрополит обрадовался и, тотчас призвав к себе Анастасия, расспрашивал о мощах святой; он рассказал всё подробно, как рассказывают среди жителей того острова о честных мощах Евфимии всехвальной, и как на каменной доске было написано было двумя братьям, взявшими эти мощи из моря. Преподобный митрополит отправился тотчас к святейшему патриарху Тарасию и рассказал ему об этом; а святой тот патриарх с митрополитом пошел к царю и его матери, взявши и Анастасия с собою, и рассказали ей о честных мощах мученицы Христовой. Все радовались и благодарили Бога, Анастасий же щедро был одарен и получил снова свой прежний сан. Немедленно снарядили богатый корабль и отправили на нем почетных лиц духовного сана и из царских придворных с Анастасием комитом на остров Лимнос, чтоб перенести оттуда мощи святой в Царьград; после благополучного плавания, они прибыли на тот остров. Когда узнали местные жители, что прибыли цареградцы и хотят взять мощи Евфимии всехвальной, стеклось множество народу весьма враждебного: хотели воспротивиться царским посланникам и не давать им унести с их острова то бесценное духовное сокровище, а более всего обрушивались на Анастасия комита, называя его предателем. И начался уже ропот в народе, так что едва епископ лимносский мог успокоить его, говоря:

– Люди, не противьтесь такой воле Божией и не возбуждайте гнева царя: **"Гнев царя – как рев льва"** (Притч.19:12).

Когда умолк народный ропот, открыли гроб святой и вынули из-под земли честные мощи невесты Христовой, как прекрасный цветок, и наполнился воздух благоуханием, и понесли мощи на корабль при пении псалмов, со свечами и кадилами. Народ же со слезами провожал, плача, что лишается такого драгоценного богатства, и стоял на морском берегу, провожая плывущий корабль глазами, пока он не скрылся из виду. Когда корабль прибыл в Константинополь, вышел весь город с царем и его матерью, и святейшим патриархом, навстречу честным мощам мученицы Христовой, и приняли их с радостью и торжеством, понесли с честью в церковь, откуда они когда-то были тайно похищены еретиками и положили на том же месте и в том же каменном гробе, где они лежали прежде.

Так святая великомученица Евфимия всехвальная опять оказалась на своем честном месте в Царьграде, и славили за ее чудеса Бога, прославляемого во святых Его, Которому и от нас воссылается честь и слава ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Жениха твоего Христа возлюбивши, и свещу твою светло уготовльши, добродетельми возсиявши, всехвальная Евфимие, тем возшла еси с ним на брак, венец страдания от него приемши. Но от бед избави нас, чтущих верою память твою.

Кондак, глас 6:

Подвиги во страдальчестве, подвиги в вере положила еси тепле за Христа Жениха твоего: но и ныне якоже ереси и врагов шатание, под ноги православных царей покорити моли Богородицею, яже от шестисот тридесяти богоносных отец предел приемшая, и хранящая, всехвальная.

¹ Управлял восточную половиною римской империи с 284 г. по 305 г.

² Феодосий II правил с 408 г. по 450 г.

³ Имеется в виду ересь монофизитская или евтихианская, которая, в противоположность несторианскому разделению в Лице Иисуса Христа божества и человечества, учила, что человечество в Иисусе Христе было совершенно поглощено божеством и потому в Лице Иисуса Христа следует признавать только одну природу – божественную. Ересь эта была осуждена, как и замечено далее в повествовании, на IV Вселенском соборе.

⁴ В 449 г.

⁵ III Вселенский собор, происходивший в Ефесе в 431 г., был созван императором Феодосием II по поводу лжеучения Нестория, патриарха константинопольского, учившего, что воплощение Слова Божия было простым обитанием Его в человеке-Христе, а не соединением божества и человечества в одном Лице.

⁶ Флавиан (I-ый) патриаршествовал с 447 г. по 449 г. Причислен к лику святых. – Память его 18 февраля.

⁷ Император Маркиан управлял Востоком с 450 г. по 457 г.

⁸ В 451 г. – Это был ШМ Вселенский собор.

⁹ Император Маврикий управлял Востоком с 582 г. по 602 г.

¹⁰ Самсон – судия израильский, наделенный от Бога необыкновенною силою и бывший орудием Божиим против филистимлян. История его жизни и деятельности изложена в книге Судей (гл.13-16).

¹¹ Ираклий царствовал с 610 г. по 641 г.

¹² Ипподром – место для состязаний в бегах.

¹³ V Вселенский собор происходил в Константинополе в 553 г. и был созван императором Юстинианом I (527-565 гг.) для решения вопроса о правоте трех епископов: Феодора Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского, которые в своих писаниях выражали несторианские мнения. – VI Вселенский собор происходил в 680 г. в Константинополе, при императоре Константине IV Погонате (668-685 гг.), ближайшею задачею его было обличение и осуждение ереси монофелитской, признававшей лишь одну (божественную) волю во Христе.

¹⁴ Лев III Исаврянин царствовал с 716 г. по 741 г.

¹⁵ Герман патриаршествовал с 715 г. по 730 г.

¹⁶ Память ее 13 мая.

¹⁷ Константин V Копроним царствовал с 714 г. по 775 г.

¹⁸ Константин VI (Порфирородный) царствовал с 780 г. по 797 г., а Ирина – с 797 г. по 802 г.

¹⁹ В 787 г.

²⁰ Тарасий патриаршествовал с 784 г. по 806 г.

²¹ Комитами назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту. Со времен Константина Великого (306-337 гг.) это наименование стало титулом всех придворных и государственных чинов, хотя бы они и не принадлежали к императорской свите.

Преставление блаженной княгини Ольги, во святом крещении Елены

На конце темной ночи идолослужения, облежавшей Русскую землю, блаженная Ольга явилась как заря пред наступлением светлого дня святой веры во Христа – "Солнце правды".

Блаженная Ольга происходила из знаменитого рода: она была правнучка Гостомысла, того славного мужа, который начальствовал в Великом Новгороде до тех пор, пока, по его же совету, не был призван от варягов на княжение русское Рюрик с братьями¹. Родиной Ольги была весь Выбутская, находящаяся ныне близ города Пскова, тогда еще не

существовавшего². Родители блаженной Ольги сумели внушить своей дочери те правила честной и разумной жизни, которых сами держались, несмотря на свое идолопоклонство. Ольга отличалась целомудрием и светлым умом, как это сейчас же будет видно.

Рюрик, умирая³, оставил после себя сына своего Игоря еще малолетним отроком, поэтому как Игоря, так и самое княжение, до дней совершеннолетия сына, Рюрик поручил попечению родственника своего Олега. Последний, собрав значительное войско и имея при себе малолетнего наследника княжения Игоря, отправился к Киеву. Убив здесь Аскольда и Дира, Олег подчинил себе Киев, и стал он единовластителем варяго-русских владений, сохраняя княжение для племянника своего Игоря; по делам правления Олегу приходилось бывать то в Киеве, то в Великом Новгороде. Князь же Игорь, достигнув юношеского возраста, занимался охотой. Случилось ему, во время охоты по окрестностям Новгорода, зайти в пределы Пскова; выслеживая зверя около помянутой веси Выбутской, он увидел на другой стороне реки место, удобное для лова, но не мог туда попасть за неимением лодки. Спустя немного времени Игорь заметил какого-то юношу, плывшего в лодке; призвав его к берегу, он велел

себя перевезти на ту сторону реки. Когда они плыли, Игорь, внимательнее всматриваясь в лицо гребца, увидел, что последний не юноша, а девица; то и была блаженная Ольга, выделявшаяся своею красотою. Красота Ольги уязвила сердце Игоря; в нем разгорелось похоть; и он начал прельщать ее словами, склоняя к нечистому плотскому смешению. Блаженная же Ольга, уразумев помыслы Игоря, разжигаемого похотью, пресекла беседу его, обратившись к нему, точно мудрый старец, с таким увещанием:

– Зачем смущаешься, князь, замышляя дело неисполнимое? Слова твои обнаруживают твое бесстыдное желание надругаться надо мною, чего да не будет! – я об этом и слышать не хочу. Прошу тебя, – послушайся меня и подави в себе эти нелепые и позорные помышления, которых нужно стыдиться: вспомни и подумай, что ты князь, а князю для людей должно быть, как правителю и судии, светлым примером добрых дел; ты же теперь близок к какому беззаконию?! Если сам ты, побежденный нечистою похотью, будешь совершать злодеяния, то как же ты будешь удерживать от них других и судить справедливо своих подданных? Оставь такое бесстыдное вожделение, которого гнушаются честные люди; и тебя, хотя ты и князь, последние могут возненавидеть за это и предать позорному осмеянию. Да и то знай, что, хотя я и одна здесь и бессильна по сравнению с тобой, ты всё-таки не одолеешь меня. Но если бы даже ты мог и одолеть меня, то глубина этой реки мне тотчас же будет защитой: лучше мне умереть в чистоте, похоронив себя в сих водах, чем быть поруганным моему девству.

Такие увещания к целомудрию, обращенные блаженною Ольгою к Игорю, образумили последнего, пробудив в нем чувство стыда. Он молчал, не находя слов для ответа; так они переплыли реку, а потом расстались. И удивился князь столь выдающемуся разуму и целомудрию юной девицы. Действительно, – подобный поступок блаженной Ольги достоин удивления: не зная истинного Бога и Его заповедей, она обнаружила такой подвиг в защите целомудрия; тщательно охраняя чистоту своего девства, она образумила юного князя, укротив его похоть словами мудрости, достойными ума мужа.

Спустя некоторое время после сейчас описанного, князь Игорь вместе с родственником своим Олегом отправился в Киев с намерением там утвердить престол княжения, что и было

исполнено: они сели на княжение в Киеве, и в Великом Новгороде, как и в прочих подчинившихся им городах Русской земли, посадили своих наместников. Когда наступило время бракосочетания князя Игоря, то выбрали многих красивых девиц, чтобы среди них найти достойную княжеского чертога; но ни одна из них не полюбилась князю. Вспомнив целомудренную и прекрасную Ольгу, Игорь тотчас послал за нею родственника своего Олега. Олег с великою честью привез Ольгу в Киев⁴, и Игорь вступил в брак с нею. Затем умер и Олег⁵, родственник и опекун Игоря, и Игорь стал править безраздельно. В начале своего самостоятельного княжения Игорь вел упорные войны с окрестными народами. Он ходил даже на Царьград: захватив многие страны греческой земли, он возвратился из этого похода с добычею и славою⁶. Остальные годы своей жизни он проводил в тишине, имея мир с пограничными землями. В это время у Игоря родился от блаженной Ольги сын Святослав, впоследствии отец святого и равноапостольного князя Владимира. И правил Игорь на престоле великого княжения в Киеве с благополучием: богатство стекалось к нему в изобилии из многих мест, ибо и дальние страны присылали ему многие дары и дани.

Смерть постигла Игоря таким образом. Пользуясь наступившим после многих войн миром, Игорь начал обходить города и области для взимания обычной дани. Придя к древлянам⁷, он вспомнил, что они в начале его княжения отступили от него, и только после войны покорились ему снова: за это Игорь удвоил на древлянах дань, чем очень отяготил их. Они же, опечалившись, начали советоваться с князем своим Малом:

– Когда волк повадится к овцам, то по одной может растащить всё стадо, если не убьют его; так и мы, – если не убьем Игоря, то он всех нас погубит.

После этого совещания они начали выискивать удобного времени. И вот когда Игорь полученную с древлян дань отослал в Киев, а сам остался у них с небольшим числом дружины, то древляне сочли этот случай подходящим для себя: они неожиданно напали на Игоря под городом своим Коростенем; убили дружину князя и его самого, и похоронили их там. – Такова была кончина князя Игоря – доброго властителя областей земли русской, внушавшего страх окрестным народам. По смерти опекуна своего Олега Игорь прожил тридцать два года⁸.

Весть об убийстве Игоря, достигнув Киева, вызвала сильные слезы у Ольги, оплакивавшей вместе с сыном Святославом своего мужа; плакали также и все жители Киева. Древляне же, по убийстве Игоря, составили следующий дерзкий замысел: они хотели Ольгу взять в жены своему князю Малу, а наследника Игоря, малолетнего Святослава, тайно умертвить. Таким образом древляне думали увеличить власть своего князя. Они немедленно на ладях отправили к Ольге двадцать нарочитых мужей, чтобы они просили Ольгу сделаться женою их князя; а в случае отказа с ее стороны им было велено угрозами понуждать ее – пусть, хотя и насильно, стать женою их господина. Посланные мужи водным путем достигли Киева и пристали к берегу. Услыхав о прибытии посольства, княгиня Ольга позвала мужей – древлян к себе и спросила их:

– С добрым ли намерением прибыли вы, честные гости?

– С добрым, – отвечали последние.

– Скажите же, – предложила Ольга, – зачем именно вы прибыли к нам?

Мужики отвечали:

– Нас послала к тебе древлянская земля с такими словами: "Не гневайся, что мы убили твоего мужа, ибо он, как волк, расхищал и грабил. А наши князья добрые правители, распространившие древлянскую землю. Нынешний же князь наш без сравнения лучше Игоря: молодой и красивый, он к тому же кроток, любвеобилен и милостив ко всем. Пойди же за нашего князя, – ты будешь нам госпожою и обладательницею древлянской земли.

Княгиня Ольга, скрывая свою печаль и болезнь сердечную о муже, сказала посольству с притворною радостью:

– Мне угодны слова ваши, – ведь мужа мне уже не воскресить, а оставаться вдовою для меня не беспечально: будучи женщиной, я не в состоянии как следует управлять таким княжеством; сын же мой – еще малый отрок. Итак я с охотою пойду за вашего молодого

князя; к тому же я еще и сама не стара. Теперь идите, отдохните в ладьях ваших; утром же я позову вас на почетный пир, который устрою для вас, чтобы всем стала известна причина прибытия вашего и мое согласие на ваше предложение; а затем я пойду к князю вашему. Вы же, когда посланные утром придут звать вас на пир, знайте, как вам должно соблюдать, при этом, честь пославшего вас князя и вашу собственную: вы придете на пир таким же образом, как прибыли к Киеву, т.е. в ладьях, которые понесут киевляне на головах, – пусть все увидят вашу знатность и мою любовь к вашему князю, ради которой я почитаю вас такую великою честью пред моими людьми.

С радостью древляне удалились в свои ладьи. Княгиня же Ольга, мстя за убийство своего мужа, раздумывала, – какою бы смертью погубить их. Она приказала той же ночью выкопать глубокую яму во дворе при загородном дворце княжеском, в котором находилась и прекрасная палата, приготавливаемая для пира. На утро княгиня послала честных мужей звать сватов на пир; они, же, как безумные, сидя в ладьях говорили:

– Мы не пойдем пешими, ни поедем на конях, ни в колесницах, но как присланы от князя нашего в ладьях, так нас и несите на головах ваших к вашей княгине.

Киевляне же, смеясь над их безумием, отвечали:

– Наш князь убит, а княгиня наша идет за вашего князя; и мы ныне, точно невольники, делаем приказанное нам.

И посадив их в маленькие лодочки по одному, киевляне понесли их, надутых пустою гордостью. Когда принесли древлян на помянутый двор княжий, Ольга, смотревшая из палаты, приказала бросить их в глубокую яму, приготовленную для этого. Затем, подошедши сама к яме и нагнувшись над нею, она спросила:

– Угодна ли вам такая честь?

Они же кричали:

– О, горе нам! Мы убили Игоря и не только не приобрели через это ничего хорошего, но получили еще более злую смерть.

И приказала Ольга засыпать их живыми в той яме.

Сделав это, княгиня Ольга немедленно послала своего гонца к древлянам со словами:

– Если вы действительно хотите, чтобы я пошла за вашего князя, то присылайте за мной посольство и более многочисленное и более знатное, чем первое; пусть оно с честью ведет меня к князю вашему; присылайте же мужей – послов как можно скорее, пока меня не удержали киевляне.

Древляне с великою радостью и поспешностью послали к Ольге пятьдесят знатнейших мужей, начальнейших старейшин земли древлянской после князя. Когда они пришли в Киев, Ольга велела приготовить для них баню и послала к ним с просьбой: пусть послы после утомительного пути вымоются в бане, отдохнут, а потом уже придут к ней; они с радостью отправились в баню. Когда древляне начали мыться то сейчас же нарочно приставленные слуги крепко снаружи заложили затворенные двери, обложили баню соломой с хворостом и подожгли; так с банею сгорели старейшины древлянские вместе со слугами. И снова Ольга отправила к древлянам гонца, извещая о скором своем прибытии для бракосочетания с их князем и приказывая приготовить меда и всякого питья и пищи на том месте, где убит был ее муж, чтобы, придя к ним, сотворить прежде второго своего брака по первом своем муже тризну, т.е. поминальный пир по обычаю языческому; и потом уже пусть будет брак. Древляне на радости всё приготовили в изобилии. Княгиня же Ольга по обещанию своему отправилась к древлянам со многим войском, точно приготавливаясь к войне, а не для бракосочетания. Когда Ольга приблизилась к стольному городу древлян Коростеню, последние выступили ей навстречу в праздничных одеждах, – одни пешими, а другие на конях, – и приняли ее с ликованием и радостью. Ольга же прежде всего пошла на могилу своего мужа, и здесь сильно плакала о нем; совершив затем, по обычаю языческому поминовенную тризну, она повелела насыпать над могилой большой курган. И сказали ей древляне:

– Госпожа-княгиня! Мы убили твоего мужа за то, что он был немилостив к нам, как волк хищный. Ты же милостив, как и наш князь, – теперь мы заживем благополучно!

Ольга отвечала:

– Я уже не скорблю о первом своем муже, совершив над могилою его то, что должно было совершить; наступило время с веселием готовиться ко второму браку с князем вашим.

– Древляне же спрашивали Ольгу о первых и вторых послых своих.

– Они идут вслед за нами по другому пути со всем моим богатством, – отвечала княгиня.

После этого Ольга, снявши печальные одежды, облеклась в брачные светлые, свойственные княгине, показывая, вместе с тем, радостный вид. Она повелела древлянам есть, пить и веселиться, а своим людям приказала, чтобы они прислуживали древлянам, ели с ними, но не упивались. Когда же древляне напились, княгиня велела своим людям заранее приготовленным оружием, – мечами, ножами и копьями избивать древлян: убитых пало до пяти тысяч и более. Так Ольга, смешав веселье древлян с кровью и отомстивши этим за убийство своего мужа, возвратилась в Киев.

На другой год Ольга, собравши войско, пошла на древлян с сыном своим Святославом Игоревичем, и его привлекая к отмщению за смерть отца. Древляне вышли им навстречу с немалою воинскою силою; сойдясь вместе⁹, обе стороны ожесточенно бились, пока киевляне не одолели древлян; и гнали первые последних до стольного города Коростеня, предавая смерти. Древляне затворились в городе, Ольга целый год неотступно осаждала его. Видя же, что трудно взять город приступом, мудрая княгиня придумала такую хитрость. Она послала сказать древлянам, затворившимся в городе:

– Зачем, безумные, хотите уморить себя голодом, не желая мне покориться? Ведь все остальные города ваши мне выразили покорность; жители их уплачивают дань и живут покойно в городах и селах, обрабатывая свои нивы.

– Мы хотели бы тоже, – отвечали затворившиеся, – покориться тебе, да боимся, как бы ты не стала снова мстить за князя своего.

Ольга же отправила к ним второго посла со словами:

– Я уже неоднократно мстила и на старейшинах и на прочих людях ваших; и теперь желаю не мести, но требую от вас дани и покорности.

Древляне согласились уплачивать ей дань, какую она захочет. Ольга предложила им:

– Я знаю, что вы сейчас обнищали от войны и не можете уплатить мне дани ни медом, ни воском, ни кожами, ни другими годными для торговли вещами; да я и сама не хочу отягощать вас большою данью; дайте мне какую-нибудь малую дань в знак вашей покорности, хотя бы по три голубя и по три воробья от каждого дома. Мне совершенно этого достаточно, чтобы убедиться в вашей покорности.

Древлянам день эта настолько показалась ничтожной, что они даже насмеялись над женским разумом Ольги; они тотчас поспешили собрать от каждого дома по три голубя и воробья и послали ей с поклоном. Ольга сказала пришедшим к ней из город мужам:

– Вот, вы теперь покорились мне и сыну моему, – живите же в мире, завтра я отступлю от города вашего и отправлюсь домой.

С этими словами она отпустила помянутых мужей; все жители города сильно обрадовались, услышав о словах княгини. Ольга же раздала птиц своим воинам с приказанием, чтобы поздним вечером к каждому голубю и каждому воробью привязан был лоскут пропитанный серою, который следовало зажечь и пустить всех птиц на воздух вместе. Воины исполняли это приказание: птицы полетели в город, из которого были взяты; каждый голубь влетал в свое гнездо и каждый воробей в свое место, и тотчас город загорелся во многих местах, а Ольга в это время отдала своему войску приказ окружить город со всех сторон и начать приступ. Население города, спасаясь от огня, выбегало из-за стен и попадало в руки неприятеля. так взят был Коростень; много людей из древлян погибло от меча, другие с женами и детьми сгорели в огне, а иные утонули в реке, протекавшей под городом; в это же время погиб и князь древлянский. Из оставшихся же в

живых многие отведены были в плен, а другие оставлены княгиней на местах их жительства, причем она наложила на них тяжкую дань¹⁰. Так княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство своего мужа, подчинила себе всю древлянскую землю и со славою и тожеством возвратилась к Киеву.

И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. И была она для последних страшна, своими же людьми любима, как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обидящий, налагающий наказание с милосердием, – и награждающий добрых; она внушала злым страх, воздавая каждому соразмерно достоинству его поступков; во всех делах управления она обнаруживала дальновидность и мудрость. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательна к нищим, убогим и малоимущим; до ее сердца скоро доходили справедливые просьбы, и она быстро их исполняла. Все дела ее, несмотря на ее пребывание в язычестве, были угодны Богу, как достойные благодати христианской. Со всем этим Ольга соединяла воздержную и целомудренную жизнь: она не хотела выходить вторично замуж, но пребывала в чистом вдовстве, соблюдая сыну своему до дней возраста его княжескую власть. Когда же последний возмужал, она передала ему все дела правления, а сама, устранившись от молвы и попечений, жила вне забот управления, предаваясь делам благотворения.

Наступило время благоприятное, в которое Господь восхотел славян, ослепленных неверием, просветить светом святой веры и привести в познание истины и наставить на путь спасения. Начатки этого просвещения Господь благоизволил в посрамление жестокосердных мужей явить в немощном женском сосуде, т.е. чрез блаженную Ольгу. Ибо как прежде проповедниками Своего воскресения Он соделал жен-мироносиц (Мф.28:9-10), и Свой крест честный, на котором распялся, явил миру из недр земных, женою-царицею Еленою¹¹, так и потом, в земле Русской, изволил насадить веру святую, дивною женою, новою Еленою – княгиней Ольгою. Господь избрал ее как честный сосуд для пресвятого имени Своего – да пронесет она его в земле Русской. Он возжег в сердце ее зарю невидимой благодати Своей, отверз ее умные очи к познанию истинного Бога, Которого она еще не знала. Она уже уразумела обольщение и заблуждение языческого нечестия, убедившись, как в истине самоочевидной, в том, что чтимые безумными людьми идолы – не боги, но бездушное произведение рук человеческих; поэтому она не только не почитала их, но и гнушалась ими. Как купец ищет многоценный жемчуг, так Ольга от всей души искала правого богопочитания, и нашла его следующим образом. По смотрению Божию она услышала от некоторых людей, что один есть Бог истинный, Творец неба, земли и всего создания, в Которого и веруют греки; кроме же Его нет иного Бога¹². Стремясь к истинному богопознанию и от природы не будучи ленивой, Ольга захотела сама сходить к грекам, чтоб своими глазами посмотреть на службу христианскую и вполне убедиться в их учении об истинном Богу. Взяв с собою особо знатных мужей она отправилась с большим имением к Царьграду водным путем, здесь ее приняли с великой честью царь и патриарх, которым Ольга вручила многие дары, достойные таких лиц. В Константинополе Ольга поучалась вере христианской, ежедневно с усердием внимая словам Божиим и присматриваясь к великолепию богослужебного чина и к другим сторонам христианской жизни. Сердце ее разгорелось любовью к Богу, в Которого она уверовала без сомнения; поэтому Ольга выразила желание принять святое крещение. Царь же греческий, бывший в то время вдовым, хотел Ольгу сделать своею супругою: его привлекала в ней красота ее лица, ее благоразумие, храбрость, слава, а также обширность российских стран. Император сказал Ольге:

– О, княгиня Ольга! Ты достойна того, чтобы быть христианскою царицею и жить вместе с нами в этом стольном городе нашего царства.

И начал император говорить Ольге о супружестве с ним. Она же показывала вид, что не отвергает предложения царя, но сначала просила о крещении, говоря:

– Я пришла сюда ради святого крещения, а не ради брака; когда же я буду крещена, тогда возможна речь и о супружестве, ибо не велено нечестивой и не крещеной жене сочетаться с христианским мужем. Царь начал торопить с крещением: патриарх, наставив достаточно Ольгу в истинах святой веры, огласил ее таким образом ко крещению. И когда была уже приготовлена купель для крещения, Ольга начала просить, чтобы сам царь был восприемником ее от купели: "Я, – говорила она, – не буду креститься, если сам царь не будет мне крестным отцом: я уйду отсюда без крещения, – вы же воздадите Богу ответ о моей душе". Царь согласился на ее желание, и крещена была Ольга патриархом, царь же стал отцом ее, восприяв ее от святой купели. Ольга наречена была Еленою, как и первая христианская царица мать Константина Великого наименована была Еленою. По крещении патриарх за литургией причастил Ольгу Божественных Таин Пречистого Тела и Крови Христовых и благословил ее со словами:

– Благословенна ты среди жен российских, ибо ты, оставив тьму, взыскала истинного света; возненавидев идольское многобожие, ты возлюбила единого истинного Бога; ты избежала вечной смерти, обручившись жизни бессмертной. Отселе тебя будут ублажать сыны российской земли!

Так благословил ее патриарх. Из лиц, пришедших с Ольгою, многие, мужчины и женщины, также крестились, и была радость в Царьграде по случаю крещения княгини Ольги: царь же устроил в тот день великий пир, и все веселились, славя Христа Бога. Затем царь снова начал речь о браке с Ольгою, нареченною во святом крещении Еленою. Но блаженная Елена отвечала ему на это:

– Как можешь ты меня, свою крестную дочь, взять себе женою? Ведь не только по закону христианскому, но и по языческому почитается гнусным и недопустимым, чтобы отец имел женою дочь.

– Перехитрила ты меня, Ольга! – воскликнул царь

– Я и прежде говорила тебе, – возразила блаженная Ольга, – что пришла сюда не с тою целью, чтобы царствовать с тобою, – мне с моим сыном довольно власти и в русской земле, – но чтобы уневеститься бессмертному Царю, Христу Богу, Которого я возлюбила всюю душою, желая сподобиться Его вечного царства.

Тогда царь, оставив свое невыполнимое намерение и плотскую любовь, возлюбил блаженную Ольгу духовною любовью как свою дочь, щедро одарил ее и отпустил с миром. Оставляя Царьград, блаженная Ольга пошла к патриарху и, прося напутственного благословения, сказала ему:

– Помолись, святой отец, Богу за меня, возвращающуюся в свою страну, где сын мой пребывает в языческом заблуждении и все люди тверды, как камень, в древнем своем нечестии, – да избавит меня там Господь, по твоим святым молитвам, от всякого зла.

Патриарх ответил ей:

Верная и благословенная дочь моя о Святом Духе. Христос, в Которого ты облеклась во святом крещении, Сам да соблюдет тебя от всякого зла, как соблюл он Ноя от потопа, Лота от Содомы, Моисея с Израилем от фараона, Давида от Саула, Даниила от уст львовых трех отроков от печи. Так и тебя да избавит Господь от напасти, благословенна ты в народе твоём и тебя будут ублажать внуки и правнуки до последних лет.

Это благословение патриарха блаженная Ольга приняла как сокровище, ценнейшее самых дорогих даров; вместе с этим она приняла и наставления о чистоте и молитве, посте и воздержании и о всех добрых делах, свойственных богоугодному христианскому житию. Затем блаженная Ольга приняла от патриарха честный крест, святые иконы, книги и прочие потребные для богослужения вещи; она приняла от патриарха также пресвитеров и клириков. И удалилась блаженная Ольга из Константинополя к себе домой с великою радостью¹³.

Повествуется, что честный крест, полученный ею из руки патриарха, имел следующую надпись: "Русская земля обновилась для жизни в Боге святым крещением, принятым блаженною Ольгою" По кончине блаженной Ольги верные хранили этот крест до дней

великого князя Ярослава Владимировича; последний, создав в Киеве великую и прекрасную церковь святой Софии, поставил в алтаре ее, на правой стороне, помянутый крест. Ныне крест сей уже не существует: ибо во время многократных разорений Киева святые церкви его предавались опустошению. Но обратимся к повествованию о блаженной Ольге.

Возвратясь в Киев, новая Елена – княгиня Ольга, как солнце начала прогонять тьму идольского нечестия, просвещая омраченных сердцем. Она создала первую церковь во имя святителя Николая на Аскольдовой могиле, и многих от киевлян обратила ко Христу Спасителю. Но сына своего Святослава она никак не могла привести в истинный разум, – к познанию Бога: всецело отдавшийся военным предприятиям, он не обращал внимания на слова матери. Он был муж храбрый, любивший войны, так что жизнь свою проводил больше среди полков и ратей, нежели дома. Матери его, обращавшейся к нему с увещаниями, Святослав говорил:

– Если я приму христианскую веру и крещусь, то от меня, отступят бояре, воеводы и вся дружина, и мне не с кем будет воевать с врагами и защищать наше отечество.

Так ответил князь Святослав; впрочем, он не возбранял креститься хотевшим; но не много было вельмож, принимавших святое крещение, наоборот – вельможи поносили таких людей, ибо для неверных христианство есть безумие (Ср. 1Кор.1:18); от простого же народа много прилагалось ко святой церкви. Святая Ольга посетила Великий Новгород и другие города, – всюду, где только было можно, приводя людей ко Христовой вере: она при этом сокрушала идолов, поставляя на их месте честные кресты, от которых для уверения язычников соделывались многие знамения и чудеса. Придя на родину, в Выбутскую весь, блаженная Ольга простерла и здесь слово проповеди христианской к близким ей людям. Во время пребывания в этой стране она достигла берега реки Великой, текущей с юга на север, и остановилась против того места, где в реку Великую впадает река Пскова, текущая с востока (в описываемое время на этих местах рос большой дремучий лес); и вот святая Ольга с того берега реки увидела, что с востока на сейчас помянутые места, озаряя их, сходят с неба три пресветлых луча: чудный свет от этих лучей видела не только сама святая Ольга, но и спутники ее; и сильно обрадовалась блаженная и возблагодарила Бога за видение, которое предугаживало на просвещение благодатию Божиею той страны. Обратившись к сопровождавшим ее лицам, блаженная Ольга сказала пророчески:

– Да будет вам ведомо, что изволением Божиим на это месте, озаряемом тридесятью лучами, возникнет церковь во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы и создается великий и славный город, изобилующий всем.

После этих слов и довольно продолжительной молитвы, блаженная Ольга поставила крест: и доныне храм молитвенный стоит на месте, где блаженная Ольга его водрузила. Обойдя многие города земли русской, проповедница Христова возвратилась в Киев и здесь для Бога явила благие дела: если во дни язычества она творила дела добрые, то тем более теперь, просветившись святою верою, блаженная Ольга украшалась всякими добродетелями, стремясь благоугождать новопознанному Богу, своему Создателю и Просветителю. Вспомнив о видении на реке Пскове, она послала много золота и серебра на создание церкви во имя Святой Троицы; при этом она повелела населять то место людьми: и короткое время разросся город Псков, так названный от реки Псковы, в великий город, и прославлялось в нем имя Пресвятой Троицы.

В это время князь Святослав, оставив в Киеве свою мать и детей своих Ярополка, Олега и Владимира, пошел на болгар¹⁴: во время войны с ними он захватил до восьмидесяти городов, и ему особенно понравился их столичный город Перяславец¹⁵, где он и начал жить. Блаженная же Ольга, пребывая в Киеве, учила своих внуков, детей Святослава, христианской вере, насколько последняя была доступна их детскому пониманию; но она не решалась крестить их, опасаясь какой-либо неприятности со стороны сына, и положила на волю Господню. В то время как Святослав замедлил в земле болгар, печенеги¹⁶ неожиданно вторглись в пределы киевские, обступили Киев и начали осаду; святая Ольга с

внуками затворилась в городе, которого печенеги не могли взять. Господь, хранивший верную рабу Свою, защитил и город по ее молитвам. Весть о нашествии печенегов на Киев достигла Святослава; он поспешил со своим войском из земли болгарской, неожиданно напал на печенегов и обратил их в бегство; войдя в Киев, он приветствовал свою мать, уже больную, и снова хотел оставить ее, чтобы идти в землю болгар. Блаженная же Ольга со слезами говорила ему:

– Зачем оставляешь меня, сын мой и куда ты идешь? ища чужого, кому поручаешь свое? Ведь, дети твои еще малы, а я уже стара, да и больна, – я ожидаю скорой кончины – отшествия к возлюбленному Христу, в Которого верую; я теперь ни о чем не беспокоюсь, как только о тебе: сожалею о том, что хотя я и много тебя учила и убеждала оставить идольское нечестие, уверовать в истинного Бога, познанного мною, а ты пренебрег этим; и знаю я, что за твое непослушание ко мне тебя ждет на земле худой конец, и по смерти – вечная мука, уготованная язычникам. Исполни же теперь хоть эту мою просьбу: не уходи никуда, пока я не преставлюсь и не буду погребена; тогда иди, куда хочешь. По моей кончине не делай ничего, что требует в таких случаях языческий обычай; но пусть мои пресвитер с клириками погребут по обычаю христианскому мое грешное тело; не смейте насыпать надо мною могильного холма и делать тризны; но пошли в Царьград золото к святейшему патриарху, чтобы он совершил молитву и приношение Богу за мою душу и раздал нищим милостыню.

Слыша это, Святослав горько плакал и обещал исполнить всё завещанное ею, отказываясь только от принятия святой веры. По истечении трех дней блаженная Ольга впала в крайнее изнеможение; она причастилась божественных Таин пречистого Тела и животворящей Крови Христа Спаса нашего; всё время она пребывала в усердной молитве к Богу и Пречистой Богородице, Которую всегда по Боге имела себе помощницею; она призывала и всех святых; с особенным усердием молилась блаженная Ольга о просвещении по ее смерти земли русской; прозирая будущее, она неоднократно во дни жизни своей пророчески предсказывала, что Бог просветит людей земли русской и многие из них будут великие святые; о скорейшем исполнении этого пророчества и молилась блаженная Ольга при своей кончине. И еще молитва была на устах ее, когда честная душа ее разрешилась от тела и, как праведная, была принята руками Божиими. Так она преселилась от земных к небесным и сподобилась войти в чертог бессмертного Царя – Христа Бога и как первая святая из земли русской была причтена к лику святых. Преставилась блаженная Ольга, во святом крещении Елена, в 11 день июля месяца¹⁷. Она прожила в супружестве сорок два года, а во время вступления в супружество она была девицею совершенного возраста и силы, – ей было около двадцати лет. На десятый год по смерти мужа она сподобилась святого крещения, по крещении же пожила богоугодно пятнадцать лет. Таким образом всех лет ее жизни было около девяносто. И оплакивали блаженную Ольгу сын ее князь Святослав, бояре, сановники и все люди; блаженная Ольга погребена была с честью по христианскому обряду.

По преставлении святой Ольги сбылось ее пророчество о злой кончине сына и о добром просвещении земли русской. Сын ее Святослав (как сообщает об этом летописец) был убит, по истечении немногих лет, в битве князем печенежским Курей¹⁸. Куря отсек голову Святослава и из черепа сделал себе чашу, оковав ее золотом и написав следующее: "Ищущий чужого, губит свое". Во время пира с вельможами своими князь печенежский пил из этой чаши. Так великого князя Святослава Игоревича, храброго и доселе непобедимого в битвах, по предречению матери постигла злая кончина за то, что он не слушал ее. Исполнилось пророчество блаженно Ольги и о земле Русской. Спустя двадцать лет по ее кончине, внук ее Владимир принял святое крещение и просветил святою верою землю русскую¹⁹. Создав каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы (называемую десятинною, потому что на содержание ее Владимир давал десятую часть от своих имений) и посоветовавшись с Леонтием, митрополитом Киевским, святой Владимир изъял из земли честные мощи бабки своей нерушимы, нетленны и исполнены благоухания; он с великою

честью перенес их в помянутую церковь Пресвятой Богородицы и не под спудом, но открыто положил их ради притекающих к ней с верою и получающих исполнение своих молитв: многие исцеления различных недугов подавались от честных мощей²⁰.

Не должно предавать умолчанию и следующее: над гробницей блаженной Ольги в церковной стене было оконце; и если кто с твердою верою приходил к честным мощам, оконце само собою открывалось, и стоящий наружи ясно видел чрез оконце лежавшие внутри честные чудотворные мощи, причем особенно достойные видели и исходящее от них некое чудесное сияние; и из имеющих веру кто бы ни был одержим каким-либо недугом, тотчас получал исцеление. Приходившему же с маловерием оконце не открывалось, и он не мог видеть честных мощей, даже если бы вошел в самую церковь: он видел только гроб и не мог получить исцеления. Верующие же получали всё на пользу тела и души по молитвам святой Ольги, нареченной во святом крещении Еленою, и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Крилами богоразумия вперивши твой ум, возлетела еси превыше видимыя твари: взыскавши Бога и Творца всяческих, и того обретши, пакирождение крещением прияла еси. Древа животного наслаждающихся, нетленна во веки пребываеши, Ольго приснославная.

Кондак, глас 4:

Воспоем днесь благодетеля всех Бога, прославльшаго в России Ольгу богомудрую: да молитвами ея подаст душам нашим грехов оставление.

---

¹ На основании: 1) имени блаженной Ольги, которое есть варяжское имя от мужского Олег, 2) прямых свидетельств некоторых житий и 3) того факта, что Ольга была женою князя Игоря, которому, как варягу, всего естественнее было взять жену из своего же племени, должно за более достоверное полагать, что блаженная Ольга была варяжка. – Варяги или норманны населяли Скандинавский полуостров, и их от новгородских славян отделяли только финны. Призвание варягов летопись относит к 862 г., но вернее относить его к 852 г.

² Так говорит позднейшее предание. Весь Выбутская, – в настоящее время вело Выбутино или Лабутино, – в двенадцати верстах от Пскова вверх по реке Великой. Из начальной же Летописи (под 903 г.) видно, что родиной блаженной Ольги был Псков, откуда и привел ее Олег Игорю и где она была, вероятно, дочерью одного из наместников или бояр.

³ Умер в 879 г.

⁴ См. прим. 2. То что Олег привел Игорю Ольгу из Пскова, подтверждает предание о ее красоте и большом уме: Олег не мог найти равной Ольге по качествам среди дочерей бояр киевских.

⁵ В 912 г.

⁶ Известны два похода Игоря на греков в 941 г. и 944 г.; из них первый был неудачен. В данном месте жития разумеется второй поход, когда император греческий, прислав Игорю большую дань, просил его не идти войной на Грецию; получив большую дань, Игорь с берегов Дуная возвратился обратно в Киев.

⁷ Во время расселения восточных славян древляне заняли лесистую часть по среднему течению Днепра, севши на его притоке Припяти; отсюда и самое наименование древлян.

⁸ Убит в 945 г.

⁹ Когда оба войска сошлись, то малолетний Святослав бросил копье по направлению к древлянам; копье, брошенное детскою рукою, пролетело между ушей коня и ударило ему в ноги; тогда вожди киевской дружины сказали: "Князь уже начал – потянем дружина за князем", и загорелась битва.

¹⁰ Две трети этой дани шли в Киев, и треть в принадлежавший Ольге Вышгород.

¹¹ Память ее совершается церковью 21 мая.

¹² Такими людьми должны быть варяги – христиане, которых много находилось среди дружины князя Игоря. "Как женщина весьма умная, – говорит известный историк Е.Е. Голубинский, – Ольга должна была обратить внимание на этих варягов новой веры; с своей стороны и сами варяги, рассчитывая на тот же ум Ольги, естественно должны были мечтать сделать ее своею прозелиткою. Проповедничество варягов-христиан и имело своим последствием то, что Ольга решилась стать христианкою. Мы знаем, что она была женщина не просто с большим умом, но с умом именно государственным. Это обстоятельство должно было послужить к тому, чтобы для лиц, принявших на себя заботу убеждать ее в истинности христианства, наполовину облегчить их труд. Указание на то, что христианство стало верою почти всех народов Европы и во всяком случае есть вера народов между ними лучших, – указание на то, что и между собственными ее сородичами

(варягами) началось сильное движение к нему, по примеру других народов, не могли не подействовать на ум Ольги, делая для нее необходимым заключение, что у людей лучших и вера должна быть лучшей (История Русской Церкви, т. 1, 1-ая полов., изд. 2-е, стр. 75).

¹³ Обыкновенно полагают, что блаженная Ольга крестилась в Константинополе в 957 г. при императоре Константине Багрянородном. Но принять это предположение трудно. Дело в том, что император Константин Багрянородный оставил сочинение "Об обрядах или церемониях Византийского двора". В этом сочинении он подробно описывает, как блаженная Ольга была принимаема при дворе во время посещения ею Константинополя в 957 г., при этом император не делает даже и намека на то, что Ольга приезжала в Константинополь для крещения и была действительно крещена. Наоборот, – он ясно дает знать, что Ольга прибыла в Константинополь уже крещеною: при первом приеме Ольги во дворце уже присутствовал ее священник. Когда же она крестилась? "Представляется вероятным думать, что Ольга после смерти Игоря оставалась некрещеною до тех пор, пока была за малолетнего Святослава правительницей государства и продолжала оставаться в государстве лицом официальным, и что она крестилась после того, как, нашед возможность сложить с себя официальное регентство, отошла, по крайней мере формальным образом, в частную жизнь, после чего народ уже не имел права спрашивать с нее за ее поступки" (Е.Е. Голубинский. История Русской Церкви, т. 1, 1-ая полов., изд. 20е, стр. 78). Последнее могло случиться только по достижении Святославом гражданского совершеннолетия, которое в то время начиналось во всяком случае не ранее 10 года. Святослав родился в 942 г., а в 957 г. Ольга была уже крещена. Считая гражданское совершеннолетие Святослава с 10 года, почитаем, что блаженная Ольга крестилась в промежуток времени между 952 (когда Святославу исполнилось десять лет) и 957 гг. И имеется определенное свидетельство, относящее крещение блаженной Ольги к одному из годов отмеченного промежутка времени. Монах Иаков, основатель и начинатель у нас частной историографии, писавший в конце правления Ярослава и начале княжения Изяслава, – писатель заслуживающий доверия, говорит в сказании о крещении Ольги и Владимира, что Ольга пожила в крещении 15 лет. Следовательно по Иакову, полагающему смерть Ольги, как и летописец, в 969 г., Ольга крестилась 954 г. (969-15=954), когда в Греции императором был Константин Багрянородный (912-957 гг.), а патриархом – Феофилакт (933-956). – При путешествии святой Ольги в Царьград в 957 г. патриархом был уже святой Полиевкт.

¹⁴ В 967 г.

¹⁵ На Дунае.

¹⁶ Печенеги – русское название народа тюркского происхождения. Некогда печенеги кочевали в степях Средней Азии и неизвестно в точности когда переселились отсюда в Европу. В IX веке они уже обитали между Волгой и Яиком (Уралом); до 60-х годов X века печенеги не тревожили Руси. Упоминаемое житием нападение печенегов на Киев и есть первое упоминание Летописи (под 968 г.) о набегах печенегов. С этого времени в продолжение с лишком полувека борьба Руси с печенегами была беспрестанная. Русь старалась оградить себя от них укреплениями и городами; таково происхождение Змиева вала в нынешней Киевской губернии. Св. Владимир строил укрепления по реке Стугне, Ярослав Мудрый по реке Роси (южнее). Последнее нападение печенегов на Русь (осада Киева) относится к 1034 г., когда они были совершенно разбиты.

¹⁷ В 969 г.

¹⁸ В 972 г.

¹⁹ Память его 15 июля.

²⁰ В нашествие монголов мощи были сокрыты под спудом в церкви; к XVII в. снова сокрыты в неизвестном месте не по совсем ясной причине.

Память святого мученика Киндея

Святой Киндей был пресвитером Памфилийского селения Сиды. В царствование Диоклитиана он был схвачен, по приказу игемона Стратоника, и осужден на сожжение. Его повели на место мучения в железной с гвоздями обуви. Воины, ведшие его, на пути встретили дровосека и насильно отняли у него дрова для костра, но святой Киндей заплатил дровосеку деньги, сам возложил на себя дрова и нес их до места мучения. Поставленный среди огня, мученик оставался невредим и призывал народ познать силу Христову. Вдруг гроза прекратилась, святой помолился Господу и испустил дух.

Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Вере́йский

Дни памяти

*1 ноября - Собор святых Архангельской митрополии
28 декабря*

*24 июля - Обретение мощей
(переходящая) - Собор новомучеников и
исповедников Церкви Русской*

*(переходящая) - Собор Санкт-Петербургских
святых*

(переходящая) - Собор Московских святых

*18 ноября - Память Отцов Поместного Собора
Церкви Русской 1917–1918 гг.*

*10 декабря - Собор новомучеников и исповедников
Радонежских*

*Архиепископ Вере́йский Иларион (Троицкий, 1886-
1929) – выдающийся богослов и церковный деятель,
ближайший сподвижник Патриарха Тихона.*

Окончив Московскую духовную академию, принял монашество (1913) и активно участвовал в восстановлении патриаршества на Поместном Соборе 1917-1918 гг. После ареста Патриарха стал его главным защитником против обновленцев, за что неоднократно подвергался репрессиям. В 1923 году возглавил возвращение Сретенского монастыря из обновленческого раскола. Проведя годы в Соловецком лагере, отверг все предложения сотрудничества с властями. Умер от тифа в ленинградской тюремной больнице 28 декабря 1929 года.

Святитель Иларион, в миру Владимир Троицкий, родился 13 сентября 1886 года в семье сельского священника Алексея Троицкого. Отец будущего архиепископа служил в селе Липицы Каширского уезда Московской губернии. Кроме Владимира в семье было еще два младших сына — Димитрий и Алексей, а также две дочери, которых звали Ольга и София. Троицкие были родом потомственных священников. О деде Владимира, отце Петре, сохранились сведения как о человеке редкой образованности; среди народа он пользовался великим авторитетом и любовью. Димитрий, средний из братьев, впоследствии принял монашеский постриг с именем Даниил и стал епископом Брянским. Самый младший, Алексей, также избравший для себя стезю священника, сделался преемником своего отца по служению в Липицах. При большевиках он был репрессирован и погиб в лагере.

Жизнь семейства Троицких отличалась патриархальной строгостью и неукоснительным следованием православным обычаям. Супруга отца Алексея умерла рано; воспитанием детей после ее смерти занималась ее незамужняя сестра — учительница приходской школы. Нередко ей приходилось брать Володю с собой на уроки читать. А поскольку с раннего детства он все церковные службы проводил на клиросе, он овладел и славянским языком. Будучи пяти лет, он уже читал в храме часы и шестопсалмие.

Дух будущего борца за Церковь, богослова и мученика святителя Илариона воспитывался в благодатной среде сельского храма; дружная православная семья заложила в нем основы того душевного здоровья, которое помогло ему выстоять в нечеловеческих условиях советских тюрем лагерей. Прекрасная, чистая душа Владимира Троицкого формировалась в детстве и ранней юности и под влиянием впечатлений от родной среднерусской природы. Село Липицы расположено на высоком берегу Оки. Оттуда видна обширная речная долина, где по берегам к самой воде подступают смиренные селения,

единственным украшением которых служат Божии храмы. «Придешь, бывало, домой на Пасху, — вспоминал архимандрит Иларион о своих посещениях родных мест, — выйдешь к реке. На несколько верст она разлилась, затопила всю равнину. И слышишь по воде со всех сторон радостный пасхальный трезвон во славу Христа Воскресшего: и с нашего тульского берега, и с московского несется звон, будто две церкви, две епархии сливаются в одном торжественном гимне. Ярко и ласково светит весеннее солнышко, шумно бегут по канавам мутные потоки, важно расхаживают по земле грачи, вся земля проснулась и начала дышать, зеленеет уже травка. Оживает природа, и смиренный народ справляет праздник Воскресения. Слышишь, бывало, как несется над рекой пасхальный звон, — будто волны новой жизни вливаются в душу, слезы навертываются на глазах. Долго и молча стоишь зачарованный... Мальчик рос в атмосфере не только благочестия, но и красоты. Прекрасные и величественные картины природы прививали его душе стремление к преображенному, восстановленному до своего райского состояния миру. Но как представление о «новой», очищенной от греха и возрожденной твари есть нерв богословского учения Троицкого, развивавшего идеи восточных отцов Церкви. Православный дух святителя Илариона отличался не только силой и крепостью, но одновременно утонченностью, изяществом, добротой и красотой. Устремленность к святости, пронизывающая его богословские сочинения, неотделима от стремления к высшей красоте.

Пожалуй, самой яркой чертой будущего святителя в детстве была жажда знания, желание учиться. Когда ему было пять лет, он задумал идти на учебу в Москву. Прихватив с собой букварь, мальчик взял за руку трехлетнего братишку, и, никому ничего не сказав, они пошли по дороге в направлении Москвы. Спустя некоторое время в доме обнаружили исчезновение детей. От волнения мать потеряла сознание; отец Алексей же запряг в телегу лошадь и помчался на поиски. Крестьяне окрестных деревень знали и любили семью священника из Липиц: Кое-кто видел, как по дороге шли важно два мальчика в летних рубашонках; один из них нес под мышкой книгу. С людской помощью отец Алексей через несколько часов нагнал сыновей. На упреки родителя будущий архиепископ серьезно ответил: «Папа, не расстраивайся! А как же Ломоносов? Ведь он пешком пошел в Москву — и я тоже решил идти учиться!»

И когда Владимиру пришло время учиться, он с блеском прошел это поприще. Святитель Иларион Троицкий, один из крупнейших представителей русского академического богословия XX века, получил превосходное духовное образование. Вот его основные вехи. 1900 год — окончание Тульского духовного училища, 1906 — завершение с отличием курса Тульской духовной семинарии и поступление в Московскую духовную академию. В 1910 году Владимир Троицкий заканчивает академию со степенью кандидата богословия и остается при ней в качестве профессорского стипендиата. А в 1913 году он защищает магистерскую диссертацию; еще в 1912 году она была опубликована в Сергиевом Посаде в качестве книги под названием «Очерки из истории догмата о Церкви». Стоит отметить, что Владимир Троицкий всегда был круглым отличником учебы. Помимо того, за свои студенческие работы он был в 1910 году удостоен двух наград — премии Московского митрополита Макария за лучшее семестровое сочинение и премии митрополита Московского Иосифа за лучшую кандидатскую работу. Магистерская его диссертация также была отмечена: он получил за нее премию Московского митрополита Макария 1912-13 годов.

Владимир Алексеевич был по своему призванию, и затем по своим дарованиям и учености, исследователем-богословом. Любовь к науке сливалась у него с любовью к академии и Троице-Сергиевой лавре, в стенах которой она располагается. Эта любовь носила даже несколько страстный характер, и в 1913 году при монашеском постриге молодой ученый переживал это как серьезный грех. Путь к преодолению этого внутреннего кризиса указал Троицкому епископ Феодор Поздеевский, тогдашний ректор академии. Он обратил внимание своего младшего собрата и коллеги на таинственный духовный закон: духовной мудростью и бесчисленными писаниями обогатили Церковь не богословы-

рационалисты, но пустынные, отвергшие всякую книжную мудрость, — поскольку жертва и подвиг открыли в их душах бездонные источники богословия. В сущности, владыка Феодор говорил о том, что особо ценным является богословствование, идущее от опыта сокровенной духовной жизни, монашеского внутреннего делания. Владимир Алексеевич осознавал это еще в годы студенчества. Будучи на четвертом курсе, он произнес «слово» в день празднования 95-й годовщины академии, в котором выразил свой взгляд на существо богословия. «Что такое богословие? — спрашивал оратор. — Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием». Богословие Владимир Алексеевич понимал в высшем смысле — как опытное богопознание; владыка Феодор утвердил его в этом, облегчив тем самым ему жизненный выбор.

Научная деятельность для Троицкого была неотделима от подвижничества и благодатной церковной жизни. В течение всего пребывания будущего святителя в доме Живоначальной Троицы его жизнь протекала, как между двумя центрами или полюсами: с одной стороны, в стенах уникальной академической библиотеки, с другой — под сенью русской православной святыни, как называл он гробницу Преподобного Сергия в Троицком соборе. И если Московская духовная академия в начале XX века была тем уникальным местом, где осуществлялся редкий синтез науки и духовной жизни, то святитель Иларион Троицкий стал одним из тех, кто свидетельствовал об этом собственным подвигом и творчеством.

В 1910 году Владимира Троицкого, выпускника академии, оставляют при ней для научной работы и преподавания. Владимир Алексеевич начинает готовить к защите магистерскую диссертацию. На протяжении двадцати лет научной деятельности (она началась в студенческие годы и продолжалась даже и в заключении: в тюрьмах и на Соловках святитель много писал) он разрабатывал, по существу, одну проблему — проблему Церкви. Что такое Церковь? Именно на этот вопрос святитель Иларион отвечал своими трудами и жизнью. Потомственный священник, он не мыслил себе жизни в стороне от Церкви. Основой его богословских убеждений и стало переживание благодатности, спасительности Церкви, ее приподнятости над преходящим природным бытием. Экклесиология святителя Илариона имеет опытный характер: читатель его трудов приобщается к его благодатному церковному опыту. Концепция Церкви, предложенная святителем, опирается на Священное Писание и учение святых отцов, причем святоотеческие представления пережиты им изнутри, согласие с ними его глубоко сердечное. Труды святителя Илариона, выдающегося церковного писателя, принадлежат святоотеческой линии в русской духовной литературе первых десятилетий XX века.

В большинстве сочинений святителя Илариона можно проследить развитие мысли о Церкви как «союзе любви» — как организме, мистическом Теле, члены которого объединены общей благодатной жизнью, имя которой — любовь. Святитель пользовался разнообразными словесными жанрами: это не только богословский трактат или эссе, но и искусствоведческий очерк и даже путевые заметки. Писал владыка Иларион чрезвычайно ясно, просто и при этом с установкой на устное слово: с его именем связана слава блестящего проповедника, лектора, а также полемиста (диспуты в академии, а после революции — в Политехническом музее). В литературных произведениях святителя сквозит возвышенная простота его личности. И именно эта простота была отмечена епископом Феодором в речи при пострижении Владимира Троицкого. «Душа твоя, имущая печать высокой мудрости о Христовой истине, с любовью принимала в себя "простоту, яже о Христе"». Эти слова епископа Феодора характеризуют в целом богословское творчество святителя Илариона, поскольку оно отмечено «высокой мудростью», с одной стороны, и «простотой» — с другой.

11 декабря 1912 года в академии состоялась защита Владимиром Троицким его магистерской диссертации. Владимир Алексеевич называет в своей диссертации догмат о Церкви выражением церковного самосознания. Он показывает, как на протяжении первых

веков своего существования Церковь приходит к нему в напряженной борьбе с ересями. И эта древняя полемика, утверждает автор диссертации, имеет явные параллели с современной богословской борьбой за Церковь. Он не только прослеживает спор святых отцов с еретиками о природе Церкви, но попутно полемизирует на ту же тему с современными католическими и протестантскими учеными. По академической традиции защита диссертации протекала в виде диспута, ранее работа Троицкого уже получила блестящие отзывы оппонентов. Достоинство его диссертации было настолько бесспорным, что никаких весомых научных возражений труд не получил. Потому Владимир Алексеевич не был удовлетворен защитой.

Одновременно с присуждением Владимиру Троицкому степени магистра богословия в самом начале 1913 года его утверждают в должности доцента академии по кафедре Нового Завета. А в мае 1913 года Троицкий становится профессором академии. Очень скоро он приобрел всеобщую любовь и уважение; среди преподавателей и студентов с ним была связана слава академического «столпа». В один из моментов жизни академии он был первым кандидатом на пост ее ректора. Причиной того, что был избран все же не он, было полное отсутствие у него жизненного практицизма, возвышенная «неотмирность».

Студенты академии восторженно относились к лекциям молодого профессора. Живой интерес к ним был связан с их жизненностью, непрременной привязанностью к современности. Чтение лекций было для Владимира Троицкого, а затем архимандрита Илариона насущнейшим делом — борьбой за Церковь; с этим был связан их публицистический и полемический настрой. «Он не мог спокойно повествовать... — вспоминает слушатель его лекций в 1917-1919 годах, — а должен был гореть, зажигать своих слушателей, спорить, полемизировать, доказывать и опровергать... Он никогда не был только теоретиком: он был человеком дела, всегда соединявшим теорию с практикой». Автору этих строк Сергею Волкову принадлежит и словесный портрет святителя: «Высокий и стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и прекрасным взглядом голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший уверенно и прямо, с высоким лбом и... небольшой окладистой русой бородой, звучным голосом и отчетливым произношением, он производил обаятельное впечатление. Им нельзя было не любоваться». Владыка имел «сильный облик чисто русского человека, прямо-таки богатыря, одухотворенного глубоким интеллектом и чистой, благородной душой». У слушателей его лекций возникало впечатление, что «целостность... была главной чертой его личности. Этот смелый, исключительно талантливый человек все воспринимал творчески». И вот еще несколько характерных черт его духовного облика, отмеченных современником: «Иларион благодатно влиял на меня самой своей личностью — прямоотой, властностью в отстаивании убеждений, восторженностью совершаемого им богослужения, сильной, покоряющей речью и, наконец, бодростью, энергией и жизнерадостностью». Он в жизни был носителем того начала любви, которое обосновывал в своих теоретических трудах: «У него самого была поразительная восторженность и любовь ко всему, что ему было дорого и близко, — к Церкви, к России, к академии, и этой бодростью он заражал, ободрял и укреплял окружающих».

О годах, проведенных в стенах лавры, святитель вспоминал как о лучшем времени своей жизни. С академией он был связан до мая 1920 года — времени своего рукоположения во епископа Верейского. В конце октября 1917 года, когда среди профессоров академии велся спор по поводу патриаршества на Руси, он прочитал там лекцию «Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?» Будучи участником проходившего тогда в Москве Поместного Собора, он специально приехал на один день в Сергиев Посад, чтобы выступить в академии с этой примечательной лекцией. С. Волков так вспоминает об этом: «На лекцию собралось большинство профессуры и все студенты, продолжалась она около трех часов. Конечно, она была прочитана так блестяще, как это мог сделать только Иларион: восстановление патриаршества в России было его заветным

желанием, как бы смыслом его жизни, которому он отдавал все свои силы». В своей лекции святитель пророчески представил совершенно новый образ русского Патриарха: «Теперь наступает такое время, — сказал он, — что венец патриарший будет венцом не "царским", а, скорее, венцом мученика и исповедника, которому предстоит самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского». Знаменательны были эти слова, пришедшиеся в точности на день большевистского переворота!..

28 марта 1913 года произошло событие особой важности в жизни Владимира Троицкого: он принял монашеский постриг с именем Илариона. Есть люди, с самого рождения предназначенные служить непосредственно Богу и словно невидимой стеной отгороженные от мира. Таким человеком был Владимир Троицкий. Он не сомневался в своем монашеском призвании, которое для окружающих очевидным не было: душевная одаренность и внешняя красота, веселость и общительность могли вводить в заблуждение относительно внутреннего устройства и жизненных установок.

Каким же был «внутренний человек» святителя Илариона? Об этом мы можем судить по его сочинениям и поступкам, по воспоминаниям современников; вглядываясь в фотографические портреты святителя, мы также можем пережить встречу с его душой. Главной чертой святителя и священномученика была исключительная врожденная душевная чистота, самым верным признаком которой было естественное и радостное следование добродетели вместе со страданием от греха, в случае владыки Илариона совершавшегося лишь в области помыслов. Святитель свидетельствует о собственном внутреннем опыте, когда пишет: «Жизнь и совершенствование личности в Церкви несет с собою счастье и блаженство»; «Сама добродетель есть блаженство, а грех есть страдание»; «Как с грехом неразрывно связано его следствие — страдание, так с добродетелью соединено блаженство». В подобных простодушных личных признаниях выражена чистота святости Божиего избранника.

С врожденной чистотой души соединялась природная веселость святителя. Опять-таки от собственного опыта им написаны такие, например, строки: «Есть на земле носители торжествующего христианства, всегда радостные, всегда с пасхальными песнопениями на устах, и лицо их, как лицо ангела». Духовное веселье временами, видимо, переполняло его, прорываясь даже в богословско-полемических работах. Сохранил святитель его и в тяжелейшей обстановке Соловецкого лагеря. Он стремился научить этой радости и тех, кто не был ею одарен: «Иларион любил говорить, что, насколько христианин должен осознавать свои грехи и скорбеть о них, настолько же он должен радоваться бесконечной милости и благодати Божией и никогда не сомневаться и не отчаиваться в своем жизненном подвиге», — пишет С. Волков. Действительно, «по имени» было житие святителя Илариона! Склонность к глубинному и неотмирному веселью еще совсем молодого святителя побуждает вспомнить о преподобном Серафиме Саровском с его постоянным пасхальным приветствием. Кого бы мы имели в лице святителя Илариона, не прервись его жизнь на сорок пятом году!..

Некоторые люди приходят к монашеству, пройдя через бездну греховного опыта: испытав ужас перед страшной реальностью «пучины греха», они вступают на стезю покаяния. Путь к монашеству Владимира Троицкого был иным. Это был безупречный в своих поступках человек, которому при этом было присуще особое стремление к совершенству. Лишь всецело посвятив себя Богу, он мог поднять свою личность на высшую духовную ступень. Избрание монашества было почти естественным для него: аскеза была его привычным состоянием, добродетель радостна и желанна, грех вызывал муку и отвращение. Уже в силу своей природной чистоты Владимир Троицкий был «земным ангелом и небесным человеком»; не знавший ничего низменного, он не мог допустить присутствия низких черт у какого-то другого христианина. В монашестве он искал для себя лишь наиболее благоприятных условий для служения Богу — искал того тесного образа

жизни, который не оставляет и малой лазейки греху. Брака же он не только не гнушался, но считал путем к Богу, совершенно равночестным монашеству.

Во время пострига Владимир Алексеевич испытал великую радость, которая, по его собственному свидетельству, не оставляла его на протяжении двух месяцев. 11 апреля 1913 года Троицкого рукоположили во иеродиакона, 2 июня — во иеромонаха, а 5 июля отец Иларион был возведен в сан архимандрита. Совершение Божественной литургии стало отныне центром его жизни. Вот как описывает служение святителя С. Волков: «Величественно и красиво Иларион совершал богослужение. Было нечто возвышенное, легкое и прекрасное в его чтении Евангелия, произнесении возгласов и молитв звучным и раскатистым голосом, властно заполнявшим все пространство обширного академического храма. Столь же звучно раздавался он и в Успенском соборе нашей лавры, и в храме Христа Спасителя в Москве. В его служении замечалась некая восторженность, вполне искренняя, чуждая малейшей театральности... Он отдавался богослужению всей душой, всем существом своим, как главному делу своей жизни». Красоту богослужения святитель ставил выше всякой земной красоты. Он любил повторять, что ни одна опера, ни один спектакль не могут вызвать интерес, хотя бы отдаленно сравнимый с тем, которым обладает богослужение. Как немногие, владыка Иларион умел проникаться настроением древних напевов и жить смыслами, содержащимися в богослужебных текстах. Совершение Евхаристии становилось для него всякий раз великим событием.

Священномученик Иларион (Троицкий) был не только прирожденным монахом, ученым и педагогом: Бог в нужный момент призвал его к высшему церковно-общественному служению, его натуре церковного деятеля был присущ святительский размах. Этот новый поворот в его жизненном пути произошел в 1917 году, когда ему пришлось участвовать в Поместном Соборе Русской Церкви.

На Собор отец Иларион пришел с идеей необходимости восстановления в Русской Церкви патриаршества — идеей, которую он вынашивал всю свою сознательную жизнь. Восстановление патриаршества означало для него в первую очередь освобождение Церкви от гнета государства. 23 октября архимандрит Иларион произнес на Соборе свою ставшую знаменитой речь «Почему необходимо восстановить патриаршество?» В основу ее он положил свое убеждение в том, что «патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церковью», и что если мы не хотим порывать с вековым церковным преданием, мы не имеем права отвергнуть патриаршество. Речь отца Илариона звучала со страстной убежденностью и закончилась на высокой ноте: «Есть в Иерусалиме "стена плача"... В Москве, в Успенском соборе, также есть русская стена плача — пустое патриаршее место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и былой церковной славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская стена плача! Да не будет!..» Думается, в том, что выбор Собора осуществился в конце концов в пользу патриаршества (это произошло 30 октября), была немалая заслуга и архимандрита Илариона.

К моменту участия в Соборе отца Илариона его известность и авторитет уже вышли за пределы академии. Во время Собора «его, единственного не епископа, в кулуарных разговорах называли в числе желательных кандидатов на патриарший престол». Однако по воле Божией священномученику Илариону довелось в труднейшие для Церкви, воистину страшные годы большевистского гонения, быть главным помощником и сподвижником Патриарха Тихона.

Сразу после избрания Патриарха архимандрит Иларион становится его секретарем и главным консультантом по богословским вопросам. За этой респектабельной в другие времена должностью ученого секретаря стояла на деле роль человека, всегда находящегося под вражеским ударом. Перед Патриархом стояла труднейшая задача сохранения Церкви — этого корабля спасения посреди бушующей враждебной стихии. И во всех контактах с советской властью — при переговорах с Тучковым, встречах с «революционным»

духовенством и т. д. — святитель Иларион заслонял собою Патриарха. Келейник Святейшего Яков Полозов погиб от руки наемного убийцы, обращенной против Патриарха. Судьба священномученика Илариона оказалась сходной: он стал жертвой мести Тучкова Патриарху.

В марте 1919 года архимандрит Иларион был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Причины ареста он и сам не понимал; видимо, он был схвачен из-за одной своей близости к Патриарху. Через два месяца священномученика освободили. И после выхода на волю отец Иларион поселился в Москве у своего земляка и друга по академии священника Владимира Страхова. Отец Владимир служил в церкви Святой Троицы в Листах, находящейся на Сретенской улице; его квартира тоже была неподалеку. Деятельность архимандрита Илариона в Сергиевом Посаде после закрытия академии летом 1919 года прекратилась. С начала же 20-х годов установилась его тесная связь со Сретенским монастырем. До своего ареста в ноябре 1923 года святитель Иларион был настоятелем Сретенского монастыря.

В мае 1920 года в день памяти священномученика Патриарха Ермогена произошло одно из ключевых событий в жизни архимандрита Илариона: он был возведен в святительский сан. Осуществился Божий Промысл, направивший его жизнь; это имело великое значение для судеб Русской Церкви в тот исторический момент. Святейшим Патриархом Тихоном была совершена хиротония архимандрита Илариона во епископа Вереяского, викария Московской епархии. В своем слове Патриарх Тихон особо отметил это совпадение, предсказав новопоставленному архиерею за твердость в вере исповеднический венец. Владыка Иларион ответил на патриаршее слово замечательной, проникновенной речью, в которой выразилось его глубокое понимание как нынешнего состояния Церкви, так и собственной судьбы. К этому времени была пролита уже кровь сотен мучеников за веру; надвигались еще более страшные гонения, и святитель предвидел это. «Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссоном, кровью новых мучеников, — сказал он в своей речи. — Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят... Силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников». Святитель чувствовал, что к высшему, епископскому служению в Церкви в этот страшный и славный момент ее истории его призвал Божий Промысл. «Знаю теперь твердо, — сказал священномученик, — что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церкви епископы... Господь милосердный да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви, для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет». Святитель Иларион вступил на епископскую стезю с полным сознанием того, что его ожидает, с готовностью к мученичеству.

После принятия епископского сана святитель по-прежнему жил в квартире священника Страхова на Сретенке: помещения Сретенского монастыря захватывало государство, монахи выселялись оттуда, и обосноваться в монастыре у святителя возможности не было. Ежедневно первую половину дня святитель Иларион проводил у Патриарха в Донском монастыре; очень часто он сослужил Святейшему. За год своего епископства им были отслужены 142 обедни, примерно столько же всенощных и произнесено 330 проповедей. Известность святителя и любовь к нему церковного народа возрастали; за ним стало закрепляться имя «Иларион Великий». О его служении в Сретенском монастыре свидетельствует православный москвич, живший неподалеку; на протяжении нескольких лет он вел дневник. Вот запись из этого дневника, относящаяся к 1921 году: «На Страстной неделе тянуло в церковь. Несколько раз ходил в Сретенский монастырь. Привлекал туда епископ Иларион, не своим пышным архиерейским служением, а участием в службах в качестве рядового монаха. Однажды (за всенощной со среды на четверг) он появился в соборном храме монастыря в простом монашеском подряснике, без панагии, без крестов, в камилавке, и прошел на левый клирос, где и пел все, что полагается, в компании с 4-5

другими рядовыми монахами, а затем вышел в том же простом наряде на середину храма и проникновенно прочитал канон, не забывая подпевать хору в ирмосах. Прочитавши канон, запел один "Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный..." Ну! Я вам скажу, и пел же он! Голос у него приятнейший, чистый, звучный, молодой (ему 35 лет), высокий. Тенор. Пел попросту, не по нотам, но так трогательно и задушевно, что я, пожалуй, и не слыхивал за всю свою жизнь такого чудесного исполнения этой дивной песни». Простодушные заметки современника передают отношение к святителю Илариону православной Москвы 20-х годов: «На вынос Плащаницы я ходил к Николе на Драчах, где тот же Иларион служил во всем великолепии архиерейского сана, и тогда он сказал с кафедры вдохновенную речь, растрогавшую всех слушателей. В былое время ее, разумеется, напечатали бы во всех "клерикальных" газетах, ну а теперь она достоянием потомков уже не будет. Жалко!»

Из 1920 или 1921 года известен еще один эпизод, связанный с пребыванием святителя в Сретенском монастыре. 8 сентября отмечался день Владимирской иконы Божией Матери — престольный праздник монастыря. В этот день было принято переносить в монастырь крестным ходом Владимирскую из Успенского собора Кремля. Икона уже находилась в Третьяковской галерее. Святитель Иларион обратился к Игорю Грабарю с просьбой разрешить взять на праздник икону в монастырь. Разрешение было получено, но святителя арестовали. Для ареста власти воспользовались тем поводом, что возле иконы подняли шум кликуши. Произошел суд, и состава преступления не нашли... Вообще же в эти годы владыка всегда ожидал ареста.

Когда в 1921 году в ряде губерний России вспыхнул голод, то всюду совершались всенародные моления о спасении погибающих. Во время одного из таких молений в храме Христа Спасителя, когда служил Патриарх, святителем Иларионом было сказано пламенное слово о помощи. Громадный, переполненный народом храм, казалось, слился в общей молитве и жертвенном порыве. Обострением ситуации в стране власти воспользовались для нанесения Церкви очередного удара. После декрета ВЦИК от февраля 1922 года относительно изъятия церковных ценностей, приведшего к народным волнениям, по стране покатился вал репрессий. В апреле 1922 года был арестован Патриарх Тихон. Еще раньше, 22 марта, оказывается под арестом святитель Иларион, которому выпало на долю разделить крест Патриарха. В июне он высылается на год из Москвы в Архангельск: в мае власть в Церкви захватили обновленцы, и безбожники сделали ставку на них, намереваясь поставить патриаршую Церковь вне закона.

Когда в июне 1923 года Патриарха Тихона освободили из-под стражи, его правой рукой стал святитель Иларион, уже вернувшийся из ссылки (вскоре он был возведен в архиепископский сан). Положение Церкви в этот момент было таково, что, казалось, она вот-вот погрузится в бездну обновленческого растления. Государство поддерживало обновленцев и одновременно взяло курс на упразднение «тихоновских» — православных — общин. В чрезвычайно напряженных переговорах с Тучковым святитель добился от власти смягчения ее политики в отношении Церкви. А когда началось массовое возвращение в Церковь обновленцев, благодаря именно святителю Илариону церковная жизнь в Москве была налажена в кратчайший срок. Святитель разработал чин покаяния и сам принял исповедь сотен обновленцев — священников и мирян.

Сретенский монастырь после захвата обновленцами власти в Церкви был занят сторонниками «митрополита» Антонина Грановского. Как известно, это был один из самых радикальных реформаторов Церкви; в Сретенском монастыре служились «литургии» по разработанному им самим чину. Неприятие им Православной Церкви было беспредельным. Личная ненависть к Патриарху Тихону «митрополита» Антонина поражала даже его друзей-чекистов. Вот что писал «митрополит» Антонин в те годы: «Тихон — большое поповское чучело, набитое магизмом, рутиной, колдовством, ремеслом и червонцами. Он печет каждую службу архиерейские чучела поменьше, которые надевают парчовые халаты, золотые горшки, грамофонят, вертятся, машут руками...» Дальше следует хула на Таинство Евхаристии...

Летом 1923 года святитель Иларион прибыл в Сретенский монастырь и изгнал из него обновленцев. При этом он совершил беспрецедентное святительское деяние: заново, великим чином освятил престол и собор Сретенского монастыря. Этим он показал, что грех и нечестие отступничества от Церкви требуют особого очищения. Молва об этом сразу разнеслась не только по Москве, но и по всей России. Обновленцы целыми приходами и общинами каялись и возвращались в Церковь. Следует заметить, что освящение Сретенского монастыря и торжественное изгнание из него обновленцев произошли в буквальном смысле слова под носом ЧК — Сретенский монастырь находится на улице Большая Лубянка. И конечно же, ни лидеры обновленчества, ни их покровители-чекисты не могли простить святителю Илариону своего страшного поражения. Вскоре он был снова арестован...

Примечательно, что спустя семьдесят лет произошло повторение этой истории: храм иконы Владимирской Божией Матери после передачи его Сретенскому монастырю был освящен великим чином Святейшим Патриархом Алексием.

Приходилось святителю участвовать и в знаменитых диспутах в Политехническом музее. «Религиозному гипнозу» обновленческого «митрополита» Александра Введенского и атеизму А. Луначарского святитель, по свидетельству В. Шаламова, противопоставлял непоколебимую уверенность в высшей Истине. Владыка говорил с совсем иной духовной и бытийственной позиции, чем сыпавшие софизмами «совопросники века сего». Люди сердцем чувствовали глубокую правоту святителя и, выражая ему свою благодарность, устраивали овации.

Осенью 1923 года власти предприняли новую попытку подорвать изнутри патриаршую Церковь: Тучков потребовал от Патриарха немедленно начать примирение с обновленческим «архиепископом» Евдокимом Мещерским. Патриарх самым решительным образом отказался... Через несколько дней был арестован архиепископ Иларион, на которого Тучков возложил главную ответственность за провал своей политики.

Владыку осудили на три года концлагерей. 1 января 1924 года он был привезен на пересыльный пункт на Поповом острове, а в июне отправлен на Соловки. На берегу залива Белого моря он работал сетевязальщиком и рыбаком; был лесником, живя в Варваринской часовне; как сторож жил в Филипповской пустыни. В лагере святителя не оставляли бодрость и духовная радость. Это состояние имело благодатный характер: оно было следствием Божией помощи и напряженного внутреннего делания, продолжавшихся в страшных концлагерных условиях. Об окружающей его атмосфере святитель писал: «Надо побыть в этой обстановке хотя немного, а так не опишешь. Это, воочию, сам сатана».

Святитель нередко стремился поднять дух своих солагерников шутками. Но эти шутки, обращенные против гонителей, были выражением его великого мужества. Когда владыка находился еще в лагере на Поповом острове, умер Ленин. От заключенных потребовали почтить его смерть минутой молчания. Когда все выстроились для церемонии в шеренгу, владыка лежал на нарах. Несмотря на просьбы и требования, он не встал, заметив: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество!» И в заключении святитель остался внутренне свободным человеком. «Чарующий дух нестяжания» позволял ему не замечать лишений, прощать уголовникам, кравшим его вещи, — если же у него что-то просили, он отдавал не задумываясь. Удивительным было отношение владыки к окружающим. Казалось, что внешнее состояние другого человека вообще не важно для него. В той уважительности, с которой он относился даже и к представителям «дна», не было ничего показного: святитель умел распознавать образ Божий в любом человеке. Люди отвечали ему за любовь искренним уважением и любовью.

Совершенно невольно святитель так поставил себя, что на Соловках стали создаваться о нем легенды. О них мы знаем благодаря полудокументальным-полухудожественным очеркам Б. Ширяева, также бывшего соловецким узником. Очерки эти составили книгу

«Неугасимая лампада», в которой святителю Илариону отведено немало страниц. Вот как относились к святителю — согласно свидетельству Ширяева — те, кто считал себя его «классовыми врагами»: «Силе, исходившей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противостоять и сами тюремщики: в разговоре с ним они никогда не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках, где не только чекисты-охранники, но и большинство уголовников считали какой-то необходимостью то злобно, то с грубым добродушием поиздеваться над "опиумом"».

Нередко охранники, как бы невзначай, называли его владыкой. Обычно — официальным термином "заключенный". Кличкой "опиум", попом или товарищем — никогда, никто».

Вот еще примечательный случай, описанный в той же книге. Однажды буря унесла в открытое море лодку, в которой находился самый злобный лагерный охранник — некий Сухов. Заключенные и солдаты, собравшиеся на берегу, были убеждены: гибель лодки вместе с людьми неминуема. «Там, вдаль, мелькала черная точка, то скрываясь, то вновь показываясь на мгновение. Там шла отчаянная борьба человека со злобной, хитрой стихией. Стихия побеждала.

— Да, в этакой каше и от берега не отойдешь, куда уж там вырваться, — проговорил чекист, вытирая платком стекла бинокля. — Пропал Сухов! Пиши полкового военкома в расход!

— Ну, это еще как Бог даст, — прозвучал негромкий, но полный глубокой внутренней силы голос.

Все невольно обернулись к невысокому плотному рыбаку с седоватой окладистой бородой.

— Кто со мною, во славу Божию, на спасение душ человеческих? — так же тихо и уверенно продолжал рыбак, обводя глазами толпу и зорко вглядываясь в глаза каждого. — Ты, отец Спиридон, ты, отец Тихон, да вот этих соловецких двое... Так и ладно будет. Волоките карбас на море!

— Не позволю! — вдруг взорвался чекист. — Без охраны и разрешения начальства в море не выпущу!

— Начальство — вон оно, в шуге, а от охраны мы не отказываемся. Садись в баркас, товарищ Конев!

Чекист как-то разом сжался, обмяк и молча отошел от берега.

— Готово?

— Баркас на воде, владыка!

— С Богом!

Владыка Иларион стал у рулевого правила, и лодка, медленно пробиваясь сквозь заторы, отошла от берега.

Спустились сумерки. Их сменила студеная, ветреная соловецкая ночь, но никто не ушел с пристани. Забегали в тепло, грелись и снова возвращались. Нечто единое и великое спаяло этих людей. Всех без различия. Даже чекиста с биноклем. Шепотом говорили между собой, шепотом молились Богу. Верили и сомневались. Сомневались и верили.

— Никто, как Бог!

— Без Его воли шуга не отпустит.

Сторожко вслушивались в ночные шорохи моря, буравили глазами нависшую над ним тьму. Еще шептали. Еще молились.

Но лишь тогда, когда солнце разогнало стену прибрежного тумана, увидели возвращавшуюся лодку и в ней не четырех, а девять человек.

И тогда все, кто был на пристани — монахи, каторжники, охранники, — все без различия, крестясь, опустились на колени.

— Истинное чудо! Спас Господь!

— Спас Господь! — сказал и владыка Иларион, вытаскивая из карбаса окончательно обессиленного Сухова.

Пасха в том году была поздняя, в мае, когда нежаркое северное солнце уже подолгу висело на сером, бледном небе. Весна наступила, и я, состоявший тогда по своей каторжной должности в распоряжении военкома Особого Соловецкого полка Сухова, однажды, когда тихо и сладостно распускались почки на худосочных соловецких березках, шел с ним мимо того Распятого, в которое Сухов когда-то выпустил два заряда. Капли весенних дождей и таявшего снега скоплялись в ранах-углублениях от картечи и стекали с них темными струйками. Грудь Распятого словно кровоточила. Вдруг, неожиданно для меня, Сухов сдернул буденновку, остановился и торопливо, размашисто перекрестился.

— Ты смотри... чтоб никому ни слова... А то в карцере сгною! День-то какой сегодня, знаешь? Суббота... Страстная...

Спас Господь! — повторил я про себя слова владыки Илариона, сказанные им на берегу. — Спас тогда и теперь!..»

Не только Ширяев, но и другие свидетели сообщают о том, что единственное в истории Соловецкого лагеря пасхальное богослужение (1926 год) возглавлял святитель Иларион (Троицкий). По воспоминаниям соловецкого узника священника Павла Чехранова, служба (проведенная по инициативе святителя Илариона), состоялась втайне от начальства в недостроенной пекарне. Участвовали кроме отца Павла в ней всего два человека — епископ Нектарий (Трезвинский) и архиепископ Иларион (Троицкий).

«Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

"Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его..." — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион. Мы запели "Христос воскрес!" Плакать или смеяться от радости? — думал я».

В лагере владыка пользовался великим почетом. Многие видели в нем духовного отца; а в отношении душ, уже отравленных неверием, он был миссионером. Авторитет святителя был так высок, что вскоре сведения о его лагерной деятельности дошли до эмиграции. И благодаря, в частности, ему Соловецкий лагерь в 20-х годах был своеобразным духовным очагом, возле которого многие нашли спасение.

Святитель Иларион был одним из авторов так называемой «Памятной записки соловецких епископов» (27 мая/ 9 июня 1925 года), выразившей волю группы епископов, которая стала как бы негласным церковным собором.

«Записка» имела целью разработать основы для сосуществования Церкви и государственной власти в тех условиях, когда их духовные принципы противоположны, несовместимы; она продолжала линию церковной политики, которую вел Патриарх Тихон. Составители «Записки» заявили о систематических гонениях на Церковь в Советском Союзе и обличили неправду обновленчества. Они призвали к последовательному проведению в жизнь закона об отделении Церкви от государства; речь шла, в сущности, о желании Церкви действовать без опеки государственных чиновников.

В конце лета 1925 года святителя внезапно перевели из Соловков в ярославскую тюрьму. Это было сделано ради того, чтобы склонить священномученика к присоединению к новому обновленческому расколу — григорьевщине. В разговоре с агентом ГПУ святитель решительно отверг это предложение. «Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю», — говорил он своему соузнику, обновленческому «епископу» Гервасию. Через год святителю дали новый трехлетний срок. Основанием для этого было сделано «разглашение» святителем среди заключенных содержания его разговора с агентом.

Весной 1926 года святитель вновь оказывается на Соловках. По-прежнему судьба Церкви занимает все его помыслы. В условиях враждебного окружения Церковь могла устоять, лишь сохраняя единство и добившись легализации. Поэтому после выхода в свет декларации Митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года святитель поддержал ее позицию. Вот как свидетельствует об этом митрополит Мануил (Лемешевский): «В ноябре 1927 года некоторые из соловецких епископов начали было колебаться в связи с иосифлянским расколом. Архиепископ Иларион сумел собрать до пятнадцати епископов в келии

архимандрита Феофана, где все единодушно постановили сохранять верность Православной Церкви, возглавляемой Митрополитом Сергием. "Никакого раскола! — возгласил архиепископ Иларион. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!"»

Осенью 1929 года срок заключения святителя Илариона заканчивался. Однако власти не собирались выпускать его на волю; накручивая ему все новые сроки, они надеялись сгноить его в тюрьме. В октябре священномученик был вновь осужден на три года, на этот раз на поселение в Среднюю Азию. Повезли его туда этапным порядком — от одной пересылочной тюрьмы к другой. В дороге святитель заразился сыпным тифом, вспыхнувшим среди заключенных. Без вещей (в пути его обокрали), в одном рубище, кишасшем насекомыми, в горячке его привезли в Ленинград и поместили в тюрьму. Через день при температуре 41°, изнемогая, он пешком перебрался в больницу имени доктора Гааза. Помочь страдальцу было уже невозможно. Спустя несколько дней начался бред, перешедший в агонию. В бреду священномученик говорил: «Вот теперь я совсем свободен!» Врач, присутствовавший при его кончине, был свидетелем того, как святой благодарил Бога, радуясь близкой встрече с Ним. Он отошел ко Христу со словами: «Как хорошо! Теперь мы далеки от...» Это произошло 15/28 декабря 1929 года. Славный жизненный путь священномученика был увенчан блаженной кончиной.

Ленинградский митрополит Серафим (Чичагов) добился у властей разрешения похоронить святителя в соответствии с его саном. Когда ближайшие родственники и друзья увидели его тело, святителя с трудом узнали: годы лагерей и тюрем превратили молодого, цветущего человека в седого старика. Похоронен священномученик был на кладбище Новодевичьего монастыря у Московской заставы.

В 1999 году состоялось обретение мощей владыки Илариона и перенесение их в Москву, в Сретенский монастырь.

Житие по журналу: Московские епархиальные ведомости. 1999. №5-6. С. 46-56.

По материалам сайта: <https://days.pravoslavie.ru/Life/life4812.htm>

Тропарь, глас 4

Воине Христов Иларионе, славо и похвало Церкви Русския, пред гибнущим миром Христа исповедал еси, кровью твоими Церковь утвердися, разум Божественный стяжал еси, людем верным возглашаше: без Церкви несть спасения.

Ин тропарь, глас 4

Святителю Христов Иларионе,/ славо и похвало Церкви Русския,/ разум божественный стяжав,/ пред безбожники Христа дерзновенно исповедал еси,/ Егоже ради страдания претерпевая,/ людем верным возглашал еси:// без Церкви несть спасения.

Кондак, глас 6

Иларионе, священномучениче Христов, служителей грядущаго антихриста не убоялся еси, Христа мужески исповедал еси, за Церковь Божию живот твой положи. Красо новомученик Российских, Руси святя похвало, ты Церкви наша слава и утверждение.

Ин кондак, глас 2

Славу мира сего оставив,/ Христу доблественно последовал еси/ и, святительское служение восприим,/ венцем мученичества украсился еси,/ и ныне, Престолу Божию предстоя,/ молися, Иларионе, иерарше премудре,// спаситися душам нашим.